А
П-71
71
библ-ка
ИРЯ

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

Проблемная группа по экспериментальной
и прикладной лингвистике

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Выпуск 71

I. В. П. ГРИГОРЬЕВ.
К СЕМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЮ
А. А. РЕФОРМАТСКОГО

II. А. А. ЗАЛИЗНЯК.
РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ *ЯЗВ*
А. А. РЕФОРМАТСКОГО

III. И. А. МЕЛЬЧУК.
К ПОНЯТИЮ ПОВЕРХНОСТНО-
СИНТАКСИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ (ПСО)

Москва — 1975

ИРЯ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА
www.ruslang.ru

70330

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Выпуск 71

I. В.П.Григорьев. К СЕМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЮ А.А.РЕФОРМАТСКОГО

II. А.А.Зализняк. РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ЯЗВ А.А.РЕФОРМАТСКОГО

III. И.А.Мельчук. К ПОНЯТИЮ ПОВЕРХНОСТНО-СИНТАКСИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ (ПСО)

Москва - 1975

4
П-71
71
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН СССР
70330

В.П.Григорьев

К СЕМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА РЕФОРМАТСКОГО

Саул тебе
За твою звезду <...>
В.Хлебников

Наука о языке много теряет из-за того, что осмысливает и описывает свое мужание не по горячим следам отдельных событий, не "изнутри истории", а лишь по прошествии остраняющих эти события лет, а то и десятилетий. Когда будут подняты архивы и написана история незаурядной кафедры русского языка в Московском городском педагогическом институте им. В.П.Потемкина, роль А.А.Реформатского в развитии советской лингвистической гносеологии в ее единстве с этикой, педагогикой и эстетикой в 30-е - 50-е годы предстанет как одна из самых плодотворных и поучительных. И далее роль эта не меркнет, а укрепляется и расширяется, наполняется новым смыслом.

С 1950 г. А.А.Реформатский работает в Институте языкознания АН СССР. Но не место службы определяет значение ученого. Внутренние законы его развития остаются при нем, куда бы ни держал путь знаменитый "борода" (да простится автору любимое юбиляром просторечие) - в Горпед или в "дэсьянс", в "Гаврики"[x] или на Волхонку. И всюду вместе с ним его (как говорят социологи) "неформальные связи". Такой "многоместный предикат", как А.А.Реформатский, с таким обилием "валентностей", как у него, в отечественной науке о языке и прежде всего в русистике - уникален. При всей доступности Реформатского трудно пробиться к нему "на прием". Обычная картина. Приходите в Институт - три-четыре внеплановых, неотложных собеседника уже терзают "Сан Сана", в стороне дожидается пятый, самый робкий, но и ему нет иного пути... - "Ничего не поделаешь. Вечером созвонимся". Записал ли кто-нибудь под свежим впечатлением хотя бы несколько таких, иногда часовых телефонных "партий" Александра Александровича? Искусством общения, поэзией беседы он владеет блестяще. Основная деловая

---

[x] Кафедра Мосгорпеда помещалась в Гавриковом переулке.

тема незаметно трансформируется в иные, а из шутки, из каламбура вдруг возникает очередная проблема языковедения.

Есть ученые, у которых учеников еще больше и которые славятся – и по праву – своим даром руководителя. А.А.Реформатский никого не водит за руку, а требовательность его с позиций четкого плана подготовки аспирантов и докторантов, возможно, иногда "срывала сроки"*. Однако тот, кто однажды попал в сферу обаятельного притяжения его личности, уже не сойдет с орбиты, каким бы вытянутым эллипсом она не обернулась в науке и в жизни. Те, кого он не столько "водил", сколько драл за уши (может и в прямом смысле), задумываются, заканчивая свою "первую главу", над "формой плана" науки в целом, жизни в целом, культуры в ее отношениях с действительностью.

Диссертант работает над темой и в то же время "сдает минимум". У А.А.Реформатского "озперанд" должен освоить "оптимум" – не просто ученически понять противоречия соссюровского "Курса", недостатки ОПОЯЗа и вечные вопросы платоновского "Кратила", а в меру своих способностей биться над ними, как где-то бьются гиганты над решением теоремы Ферма или проблемами Гильберта. Но ни малейшего шапкозакидательства, ни тени самомнения, ни намека на необеспеченное теоретизирование не потерпит А.А. Потому так помнятся те редкие "плюсы", которые он оставляет на полях Ваших работ, а однотомник "Избранного" из его критических маргиналий заслуживал бы рекомендации как учебное пособие по методике языковедческих исследований.

Говорят, что вся живая природа реагирует на музыку. Невозможно определить, в какой благотворной мере влияет на учеников А.А.Реформатского музыкальная ипостась их учителя, моцартианское начало его личности. Г.Г.Нейгауз, С.Т.Рихтер, Е.А.Бекман-Щербина, М.В.Юдина, А.Т.Гречанинов, К.Н.Игумнов – вот лишь несколько имен знакомых, а часто и очень близких ему людей из того силового поля, без которого немыслим А.А.Реформатский. Это – поле искусства, а не отдельно взятой музыки. Артисты и писатели,

---

*Но вспомним, что А.А. много и успешно заведовал: 13 лет – кафедрами во 2-м МГПИИЯ (1938-1941), в МГПИ (1941-1942), в Литинституте (1942-1951), 5 лет – фонетической лабораторией филфака МГУ (1954-1959); был деканом литфака в МГПИ (1941-1942).

художники и общественные деятели, дружа или просто общаясь с ярким лингвистом, запечатлелись в его внутреннем облике, формировали его.

М.Ф.Ленин, Е.Д.Турчанинова, В.О.Массалитинова, О.Л.Книппер, В.Э.Мейерхольд, А.Н.Грибов, И.В.Ильинский... М.М.Пришвин, И.С.Соколов-Микитов, М.М.Зощенко, В.В.Маяковский, Н.Н.Асеев, А.А.Ахматова, И.Л.Сельвинский, В.А.Луговской, В.В.Каменский, А.Е.Крученых, К.А.Федин, П.Г.Антокольский, В.Б.Шкловский, В.Г.Лидин, М.А.Дудин, Б.А.Ахмадулина... И.С.Гончарова, К.Ф.Юон, Н.А.Андреев, В.А.Фаворский, К.С.Петров-Водкин, А.Д.Древин, Л.В.Сойфертис, В.Е.Татлин, А.Д.Гончаров, О.Г.Верейский (портрет С.С.Прокофьева работы его отца Г.С.Верейского помнит каждый, кто бывал у А.А.) ... Этот выразительный перечень интересных людей хочется (и можно было бы) продолжать и продолжать.

Как измерить то, что и многие из них, а не только филологи получали и получают от А.А.Реформатского? Его силовое поле – это поле той русской культуры, которую еще полтораста лет назад называли просвещением или образованностию[*] . А.А.Реформатскому удалось едва ли не самое трудное – "стать с веком наровне" как в своей специальности, так и в Культуре.

Насколько блистательно это сказалось на просвещении в нынешнем смысле слова, известно всем. Учебник А.А.Реформатского по возрасту внук своего создателя, но уже старше Лермонтова. К столетию автора учебнику будет чуть-чуть за пятьдесят. Когда он в конце концов сойдет с круга, "устареет", введение языкознания в головы "по деду" продолжат новые пособия, меняя лишь сому, сохраняя генофонд и помня об истоках.

Ровно пятьдесят в 2000-м году исполнится одному из наиболее значительных трудов Реформатского – непритязательным и неоценимым 48 страницам "Методических указаний и руководства по современному русскому языку для студентов-заочников" (М., 1950). За издательским заглавием (1950!) обнаруживается до предела сжатый конспект лекций, которые А.А. читал в Литературном институте им. А.М.Горького при ССП СССР. По фантастической компрессии содержания эта книга-брошюра даже превосходит, кажется, единст-

[*] В "Словаре языка Пушкина" нет слова культура.

венного до нее "белого карлика" в языкознании – замечательную "Грамматику иностранных слов" Н.В.Юшманова[x]. Важно знать, кто прошел через курс Реформатского в Литинституте и как они работают сейчас. "Мои ученики, – пишет А.А. (рукопись), – молодые [sic!] писатели В.Солоухин, В.Тендряков, Ю.Трифонов, С.Никитин, Г.Поженян, С.Орлов, В.Бахнов, Н.Гребнев, Г.Бакланов, Р.Гамзатов и др.". Отрыв Реформатского от Литинститута (с 1951 г.) – очень существенная потеря для начинающих писателей. Старые же и настоящие ученики связи с учителем, само собой, не теряют.

x

x x

Мир культуры куда шире, чем мир науки и искусства. Биография любого человека входит в культуру, двигает ее (иногда в сторону, а то и назад). Вне жизнеописания, со стороны, даже А.А.Реформатского можно воспринять как приподнятое над грешной землей олицетворение рафинированного культуртрегерства. Ошибка была бы роковой. От земли его не оторвать. Как говаривал Дельвиг: "Чем ближе к небу, тем холоднее". Есть ли еще на Земле человек, который может так просто написать в "Сведениях из биографии": "Пил чай у Лики Мизиновой и Н.К.Крупской"?

Основная черта А.А.Реформатского – жизнелюбие, глубокое понимание красоты жизни. О его охотничьей страсти мало что скажет простое перечисление: "На охоте бывал в Московской, Калининской, Владимирской, Вологодской, Калужской областях, в Северном и Южном Казахстане, на Среднем и Южном Урале" (рукопись). Охота ведь – пуще неволи. И в ней – жизнь, и это важно для биографии, а через нее и для культуры. Картинка, на которой собака нахально смотрит на Реформатского, плывущего к берегу с убитой уткой в зубах, остается немым свидетелем десятка незрелых

(x) См.: "Словарь иностранных слов". Под ред. Ф.Н.Петрова. Изд. 2-ое [1]. М., 1941 (Приложение). Рассказывают, что ознакомившись с рукописью Юшманова, рецензенты пришли в восторг, а издательство предложило автору вдвое увеличить объем. Юшманов отказался, заявив, якобы: "Я изложил все, что надо. Вот если бы, когда заказывали...". Увы, Реформатскому никто всерьез не предложил написать хотя бы "ч. II" (на книге должно было стоять: "ч. I"), и целостного курса русистика не получила в свое время. Впрочем, его гены отчетливо проявились уже в такой книге из школы Реформатского, как "Лексика русского языка" А.В.Калинина (Изд. МГУ, 1966).

аспирантских докладов "на дому". Зато несколько снайперских и сочных охотничьих примеров, удержавшихся в сите "Введения", сотни тысяч филологов получили из первых рук, прямо из жизни, из прямой речи Мастера, мастерового, знающего Ремесло.

Реформатское просторечие - мистериально и неподражаемо. Дело вкуса - принимать в нем все, какую-то часть или не принимать вовсе. Но важнейшая из лингвистических оппозиций - оппозиция просторечия и обкатанно*, гладкой "говóри" нейтрализуется лишь со смертью языка, а "живой как жизнь" творит себя прежде всего в просторечии. Ученик Д.Н.Ушакова*, Реформатский принял от него и достойно несет высокую орфоэпическую эстафету. И в то же время любая Норма играет у А.А. таким многообразием ежеминутных обоснованных отступлений от нее, таким творческим напором возможностей каждого слова и каждого звука, что... как же это, дорогие товарищи коллеги и руководители, как же это наше телевидение до сих пор не записало цикла "Бесед о русском просторечии" А.А.Реформатского? Да и журнал "Русская речь" никак не догадается заказать серию таких статей, наверное, единственно возможному автору. Он - просторечен и "сладостно-вольнолюбив", как Пушкин. Вне просторечия о нем и писать немыслимо.

Еще одна строчка из рукописи А.А.: "Диссертаций никогда не защищал". Реформатскому было за 60, когда ВАК утвердил его в степени доктора и в звании профессора. Создатель школы, он делал жизнь по себе, не по общим меркам. И здесь прямое подражание невозможно, могут сказать - здесь даже вредно. Допустим. А все-таки не всегда самый верный путь в науке (и в жизни) идет от диссертации к диссертации и от звания к званию. Внутренние законы иной раз еще решительнее, чем внешние обстоятельства, не позволяют отвлечься от дела жизни на оформление документов. К концу войны список лингвистических работ А.А. заканчивался № 12. Но уже была (на невообразимой бумаге) машинопись "Введения" - почти успела к демобилизации.

С аспирантами А.А. начал заниматься в 1938 г., а преподает - всю жизнь, с 1921-го: лектор Губполитпросвета, преподаватель

---

* В июне 1923 г. под его руководством А.А. подготовил выпускную работу 'диплом' на тему "Материалы к описанию языка Курского". Это руководство продолжалось и в аспирантуре (при РАНИОНе), которую А.А. оставил, не закончив, в 1925-м.

Пречистенского рабфака и различных курсов, ассистент и доцент Полиграфического института, двадцать лет в МГПИ. Уже двадцать пять – в ИЯзе, ведет непрерывный, вне каких бы то ни было сеток часов, Семинар. Очень жаль, что не читает курса лекций, но "вводит", как всегда. И все тот же знакомый стиль в его этапном докладе прошлого года о морфонологии (см. ниже № 107).

"Из университетских учителей больше всех любил Д.Н.Ушакова, М.А.Петровского, А.С.Орлова" (рукопись). Университеты Реформатского были в духе того времени. Студент первого курса, он работает на книжном складе "Коммунист" (грузчиком, затем зам. зав. агитотделом). До того, как в 1931 г. А.А. стал старшим научным сотрудником НИИ Огиза, ему пришлось поработать инструктором сельского хозяйства в школьной трудколонии, рентгенотехником, корректором и техредом в различных издательствах, сотрудничать в редакции "Словаря русского языка" – будущего Ушаковского. А кроме того – тогда же и позднее – внештатно – в НИЯ, в ГАХНе, в НИИ Большого атласа мира, в редакции Морского атласа. Почти каждому месту службы А.А., расшифровкам многих из этих названий-аббревиатур можно сопоставить некоторую область его устойчивых научных привязанностей. Он сам переводил стихи памяти Ленина с немецкого, английского, французского и польского – понятно, что интерес к переводу у Реформатского не только sub specie structuralismi , но и sub specie vitae, motu proprio.

В 1928 г. А.А. напечатал поэму "Как в деревне надо жить, чтобы бабам не тужить" (Изд. "Охраны материнства и младенчества"). Этот, казалось бы, частный опыт будущего Искандера Ислахи[ж] заслуживает тем не менее особого упоминания. Он многозначен и многозначителен. Во-первых, очень существенно, что Реформатскому всегда необходимы выходы за рамки строгого языка науки – ему постоянно нужен язык в целом, во всем богатстве его функций, средств и возможностей[жж] : Во-вторых, от ранней поэмы и от

[ж] Один из псевдонимов А.А.Реформатского.

[жж] Редкий из близких знакомых и учеников А.А. не получал от него остроумных прозаических экспромтов, стихотворных посланий или лиро-эпических циклов. Муза Реформатского не претенциозна, ее эстетика – это эстетика просторечно-фамильярных средств русского языка и макароничесой речи.

первопечатной работы А.А.[x] прослеживается закономерный путь на кафедру именно Литературного института. Наконец – это, пожалуй, самое главное, – совокупность таких вот частных и, на первый взгляд, разрозненных биографических фактов толкает на поиски целостной "формулы жизни" Учителя, на обобщение аллоэтики Реформатского в реформатему. Жизнь Александра Александровича красноречива. Как и в обычной речи, структурные элементы языка-объекта что-то говорят о структуре и сущности человека.

Модель личности А.А.Реформатского нужна потому, что его жизнь – одно из самых необходимых и прочных звеньев в новейшей истории русской культуры. Он родился на стыке веков, 4 (16) октября 1900 года, в Москве, в Савеловском переулке на Остоженке[xx]. Отец – известный химик, профессор Александр Николаевич Реформатский, сын священника, заслуженный деятель науки. Мать – преподавательница русского языка и литературы Екатерина Адриановна, дочь врача Адриана Алексеевича Головачева, окончившая Высшие женские курсы. В 1918 г. после гимназии А.Е.Флерова Александр Александрович начал самостоятельную жизнь (см. выше).

Сергею Аверинцеву принадлежат прекрасные слова: "Любовь как ответственная воля к пониманию чужого – это и есть та любовь, которой требует этика филологии <...> . Филология есть служба понимания"[xxx]. Реформатский – именно на такой службе. Его характеризуют не столько увлеченность фонетикой, сколько Любовь к Слову и к Жизни во всех их проявлениях, не так отдельные яркие открытия, как редкий талант Понимания, не замкнутая "культурность", а ответственность за Культуру, не просто человечность, а возрожденческий гуманизм, человеческое, Человек. В системе таких релевантных и неисчерпаемых дифференциальных признаков и хотелось бы осмыслить нашего Сан Сана и всех, с кем его связал XX-й век. Пока неважно, что модель получается фор-

---

[x] "Опыт анализа новеллистической композиции" (М., 1922). Вдохновителем (и меценатом) был О.М.Брик.

[xx] "Ныне – Савельевском", – подчеркивает А.А.–микротопонимист и добавляет: "Дом Гаврилова до сих пор цел". Это – в двух шагах от Волхонки, на Метростроевской.

[xxx] С.Аверинцев. Похвальное слово филологии. – "Юность", 1969, № 1.

мально не слишком строгая, – тем больше в ней содержания. А за эти признаки можно поручиться:

Жизнь

УЧИТЕЛЬ ⟶ Слово Человек Культура ⟶ ученики

Любовь Понимание

Никакая формула, никакая модель не отразит счастливые ферментирующие качества э т о й жизни. Реформатский – бродило, потому он так и любим. Но вот вопрос: достаточно ли мы его понимаем?

*

* *

Для тысяч людей А.А.Реформатский – прежде всего Ученый. К его семидесятилетию вышел в свет сборник "Фонетика. Фонология. Грамматика" (М., 1971), где помещена статья Р.И.Аванесова и М.В.Панова, глубоко проанализировавших научную и педагогическую деятельность юбиляра, и где читатель найдет также список его научных работ[*]. В списке указано 99 работ по лингвистике. Вот как он пополнялся за эти годы:

1970

100. Сингармонизм как проблема фонологии и общей лингвистики. – В кн.: "Тюркологические исследования. Сб. статей, посвящ. 80-летию К.К.Юдахина". Фрунзе, стр. 101–105.

1971

101. Слоговые согласные в русском языке. – В кн.: "Развитие фонетики современного русского языка". Вып. 2. М., стр. 200–203.

102. О гласном звуке [и] после гласных в русском языке. – Там же, стр. 271–273.

---

[*] Об А.А.Реформатском см. еще, в частности: М.В.Панов. Русская фонетика. М., 1967, стр. 406–408; "Рус. язык и лит-ра в узбекской школе", 1971, № 3, стр. 95–96; "Studia slavica", Budapest, 1957, t. III, fasc. 1–4; "Current trends in linguistics", v. I. Soviet and East-European linguistics. The Hague, 1963; рец. Т.В.Булыгиной на эту работу (ВЯ, 1965, № 3).

1972

103. Транскрипция или перевод? – В кн.: "Восточнославянская ономастика". М., стр. 311-332.

104. О стандартизации транслитерации латинскими буквами русских текстов. – "Научно-техническая информация ВИНИТИ. Серия 2", № 10, стр. 32-36.

1973

105. Лексические мерисмы и семантическая редукция. – "Проблемы структурной лингвистики. 1972". М., стр. 268-278.

106. Дмитрий Николаевич Ушаков (к столетию со дня рождения). – "Русский язык в школе", № 1, стр. 95-98.

1974

107. Еще раз о статусе морфонологии, ее границах и задачах. – В кн.: "Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. Тезисы докладов секционных заседаний". М., стр. 214-218.

108. О типах позиций. – В кн.: "Теория и история языкознания. Вып. III. Вопросы фонологии и морфонологии. Рефераты. Обзоры". М., стр. 7-24.

109. Фонологические курьезы. I. [зф] из <зв> . II. Как действует система в языке. М., 11 стр. (= "Предварительные публикации" [Проблемной группы по эксперимент. и прикл. лингвистике ИРЯз АН СССР]. Вып. 56).

110. О некоторых вопросах терминологии. – "Сборник докладов и сообщений Лингвистического общества [Калининского гос. ун-та]", IV. Калинин, стр. 142-157.

1975

111. Фонологические этюды. М., 133 стр.

112. О членимости слова. – В кн.: "Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова". М., стр. 5-13.

А в скором времени появится, если уже не вышли из печати, пока готовилось это издание, статьи А.А.Реформатского:

"Приметы" в языке и их распознавательная и опознавательная роль (Ун-т дружбы народов им. Патриса Лумумбы. М.),

Семиотические заметки (Тарту)

Компрессивно-аллегровая речь (ОЛЯ АН СССР. М.),

О реальности модели в языке (Ин-т языкознания. Л.),

. . .

Это - продукция профессора-консультанта, которого каждый четверг по-прежнему "терзают" на Волхонке его коллеги и ученики, его отпрыски в лингвистике и друзья в жизни, его последователи, поклонницы и "любимые враги". Как пришвинский "корень жизни <...> в нашей тайге искусства, науки и полезного действия", А.А. уже перешел в нас, в "нашу творческую природу" (Хеньвень, XVI), но ничуть не исчерпал себя. Его пример и его "приметы" еще долго и долго вводить людей в систему savoir vivre.

От души пожелаем Александру Александровичу:

Мэнс Сана ин корпорэ сано.

А.А.Зализняк

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ЯЗВ А.А.РЕФОРМАТСКОГО

Чтение увлекательной заметки А.А.Реформатского по поводу язв [1] наводит на следующие размышления.

1. Вокализация сонантов в современном русском языке

Как известно, в современном русском языке сонанты в позиции между согласными или на конце слова после согласной могут становиться слогообразующими, например: [жэ́зл], [с'е^{и}н'т'а́бр'], [гр'е^{и}но́бл'ск'ий] (практически в этих позициях могут встречаться все сонанты, кроме j, т.е. р, р', л, л', н, н', м, м'). Такое произношение в отдельных случаях отражается даже в стихах: ср., например, трехсложное чтение слова сентябрь в следующем отрывке из М.Цветаевой ("Приключение"):

Педант
Вы как Спиноза - на любой вопрос
Имеете ответ.

Генриетта
Сентябрь-месяц
Мне вместо колыбели дал - Весы.[2]

Возможны различные степени вокализации сонантов. Представляется целесообразным различать по крайней мере четыре типа фонетической реализации сочетания "согласная + сонант" перед согласной или на конце слова.

А. Сонант выступает в неслоговой форме, тесно примыкая к предшествующей согласной: [жезл]. Словоформа типа жезл при таком чтении, разумеется, односложна.

Б. Сонант менее тесно примыкает к предшествующей согласной, чем в случае А, и несколько продляется (или усиливается); при этом, однако, он не становится в полной мере слогообразующим, и словоформа типа жезл, как и в случае А, выступает в стихах как односложная. Мы будем обозначать такого рода "неплотное примыкание" точкой: [жез.л].

---

[1] А.А.Реформатский. Фонологические этюды. М., 1975, стр.129.

[2] См. разбор этого явления (с большим числом примеров из поэзии) в работе: А.А.Реформатский, Слоговые согласные в русском языке в книге: "Развитие фонетики современного русского языка". М., 1971г.

В. Сонант выступает в слоговой форме: [же́зл]. Словоформа типа жезл при таком чтении двусложна.

Г. Между согласной и сонантом появляется эпентетическая гласная типа [ə]; эта гласная может фонетически совпадать с продуктом редукции о, например, в [у́гəл], [гəлава́], или быть несколько короче. Мы будем обозначать такую эпентетическую гласную надстрочным [ᵊ][1], например: [же́зᵊл]. Как и в случае В, словоформа типа жезл в таком чтении двусложна. Реализация Г в современном языке всегда носит просторечную окраску (а именно, она выступает как просторечный вариант реализации В).

Необходимость выделения случая Б, промежуточного между А и В, на первый взгляд неочевидна. Ниже будет показано, однако, что разделение случаев А и Б позволяет объяснить некоторые процессы, происходящие в сочетаниях с сонантами.

Описываемая здесь вокализация сонантов есть живой процесс современного языка. Ее не следует смешивать с аналогичными процессами в прошлом, а именно, с прояснением древнерусских редуцированных в сильной позиции (например пе́тель < петьль и т.п.) и в особенности с появлением так называемых вторичных (т.е. не соответствующих древним ъ, ь) беглых гласных (например, ве́тер < ветр, у́голь < угль, ого́нь < огнь, сестёр < сёстр, ки́сел < кисл, корабе́льный < *корабльный, иго́рный < *игрный, иго́лка < *иглка и т.п.).

От последнего из указанных процессов нынешняя вокализация сонантов отличается прежде всего тем, что твердая согласная, предшествующая сонанту, никогда не смягчается (ср. кремль, вепрь, ритм, центр и т.п.), тогда как так называемые вторичные беглые гласные смягчают предшествующую согласную (кроме к, г, х), ср. примеры выше. Кроме того, вторичные беглые гласные в принципе способны принимать ударение (ср. ого́нь, сестёр, корабе́льный, иго́рный, иго́лка), а при нынешней вокализации сонантов это пока еще невозможно[2].

---

[1] Заметим, что распределение [ə] и [ᵊ] неодинаково: в частности, [ᵊ] может встречаться и в первом предударном слоге (ср. например, просторечное [м'еᵊшо́кᵊржи́]), тогда как [ə] – не может (вместо него автоматически выступит [а], например, [варжи́]).

[2] В некоторых частных случаях, правда, без дополнительного исторического исследования трудно (или даже невозможно) отличить нынешний процесс от прежнего; так, например, реализации типа Г для словоформ игл, игр, тягл, кукл практически неотличимы от словоформ и́гол, и́гор, тя́гол, ку́кол.

Ниже приводится таблица, демонстрирующая различные случаи сочетания сонантов с предшествующей согласной. Таблица построена таким образом, что степень распространенности слоговой реализации сонантов (т.е. типа В, с просторечным вариантом Г) уменьшается при движении от верха таблицы к низу, а в пределах одной горизонтальной графы - при движении слева направо.

Клетки этой таблицы можно огрубленно разделить на следующие "зоны":

1) Графа 1 - позиция после сочетания согласных, последняя из которых шумная. Здесь в обычной речи преобладает слоговая реализация. Неслоговая реализация (Б или А) встречается только в очень тщательной речи, в частности, при чтении стихов (в тех случаях, где такая реализация диктуется размером).

2) Графы 2,3 - позиция после одиночной шумной согласной. Здесь встречается как слоговая, так и неслоговая реализация, причем последняя считается более литературной (именно она обычно требуется в стихах).

3) Графы 4,5,6 - позиция после сонанта. Здесь решительно господствует неслоговая реализация (слоговая реализация нелитературна).

	Последующий элемент / Сам сонант / Предшествующий элемент			I. Согласная		II. Граница словоформы [1]	
				р, р' л, л'	н, н' м, м'	р, р' л, л'	н, н' м, м'
1	Шумная согласная	не одиночная		бургомистрша, умбрский, англйский	—	центр, монстр, искр, тускл, затхл, мангль, ансамбль	астм
2	Шумная согласная	одиночная	взрывная	бодрствовать, метрдотель, октябрьский, гренобльский	агнцы	метр, тигр, добр, внутрь, октябрь, цикл, дрябл, вопль, рубль	ехидн, огнь, ритм, ведьм
3	Шумная согласная	одиночная	фрикативная [2]	кафрский, супрасльский	разнствовать, хорезмский, восьмью	шифр, цифр, вихрь, жезл, дряхл, мысль	соблазн, песнь, туризм, косм, рифм
4	Сонант	н, н', м, м'		кимрский, бегомльский	—	жанр, домр, кремль	гимн, сонм
5	Сонант	р, р', л, л'		арльский	губернский, кормчий, пермский	перл, горл, Нерль, Арль	горн, волн, чернь, корм, фильм, Пермь
6	Сонант	j		коктейльный	рейнский, Реймс	сквайр, стойл, коктейль	тайн, войн, обойм

[1] Более строго позиция II определяется так: на конце слова, перед паузой и перед словом, начинающимся с согласной. Перед словом, начинающимся с гласной, конечные сонанты обычно сохраняют неслоговой характер.

[2] Кроме в, в' (о которых см. отдельно в разделе 2).

2. Поведение в (в') в сравнении с поведением сонантов

Сравним теперь с полученной картиной поведение в и в', которые, как известно, частично сохраняют в русском языке свойства сонантов.

Выступая в роли согласной, предшествующей сонанту, в (в') дает примерно тот же эффект, что носовые сонанты (графа 4): например, мавр, Савл, жура́вль, давн, травм в литературной речи допускают только неслоговую реализацию сонанта (ср. жанр, домр, кремль, гимн, сонм); для та́врский, эпида́врский и т.п. такая реализация безусловно предпочтительна – точно так же, как для ки́мрский. Между тем в графе 3 слоговые реализации представлены существенно шире. Таким образом, в (в') ведет себя в данном отношении как сонант, а не как обычная шумная фрикативная.

Более существенно, однако, поведение в(в') в самих тех позициях, которые вызывают вокализацию сонантов.

При анализе здесь необходимо прежде всего оставить в стороне все или почти все словоформы с ов на месте в (например, бу́ковка, ты́ковка, кло́ковка, разговорные бри́товка, бри́товница и т.п.), поскольку гласная о здесь унаследована от предшествующих эпох или появилась в силу морфологической аналогии и, таким образом, не имеет отношения к нынешнему процессу вокализации сонантов [1]. Лишь в очень немногих словоформах, записываемых с ов, например, в разговорных бу́ков (встречается также в современной поэзии), ты́ков, в народном хору́говь можно было бы усматривать какое-то влияние процесса эпентезы, но это влияние выступает в лучшем случае лишь как поддерживающий фактор, поскольку, например, словоформы буковъ, хоруговь засвидетельствованы уже начиная с древнерусского периода. Соответственно далее рассматриваются только словоформы, записываемые с в (не с ов).

Положение в (в') после сонанта (например, нерв, мальв, червь, молвь, не́рвный, безмо́лвный) не представляет особого интереса, поскольку здесь вокализация и не ожидается. После шумной согласной в

[1] О словоформах с ударным о́в типа литовский, мордовский, московский, смоковница не приходится и говорить: их древность очевидна. Точно так же пушкинское резов, хотя оно и моложе, чем словоформы типа литовский, образовалось в силу другого, не нынешнего процесса вокализации.

70330

БИБЛИОТЕКА ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

позиции I в (в') не встречается; примеры для позиции II: битв, клятв, букв, почв, подо́шв, ветвь; мёртв, чёрств, волхв, жертв, яств, суще́ств, зверств, аге́нтств; резв, трезв, язв, билингв, хору́гвь.

В правильном литературном произношении ни одно из таких конечных сочетаний с в (в'), даже самое громоздкое, не должно давать лишнего слога. Ср., например, у Б. Пастернака:

Меня без отлагательств привлекли
(из "Спекторского")

или

И кругом свойств, занятий и знакомств
(из "Второго рождения").

Нетрудно заметить, однако, что в обычной, непринужденной речи при произнесении подобных трудных сочетаний (например, жертв, яств) конечное [ф] или [ф'] неплотно примыкает к предшествующей согласной; при этом само [ф] может несколько продляться, а в более небрежном произношении перед ним даже появляется эпентетическое [ᵊ]. В этом последнем случае возникает лишний слог (что́ считается уже нелитературным).

Таким образом, здесь обнаруживаются три из четырех типов реализации, описанных выше для сонантов, а именно: А – [жертф], Б – [жерт.ф], Г (просторечное) – [же́ртᵊф]. Заметим, что для чтения стихов годится как А, так и Б, поскольку в обоих этих случаях словоформа типа жертв выступает в стихе как односложная.

Из сказанного видно, что, выступая в позиции, вызывающей вокализацию сонантов, в (в') отчасти уподобляется сонантам: это выражается в литературной речи в переходе от реализации А к Б, а в просторечии – к Г (в этом последнем случае сходство с сонантами оказывается наибольшим).

Основное отличие в (в') от настоящих сонантов состоит в отсутствии у него слогового варианта (т.е. реализации типа В).

3. Связь между степенью вокализации сонанта и ассимиляцией по звонкости

Как блистательно обнаружил Р.Якобсон, русское в (и в') "про-

зрачно" для действия регрессивной ассимиляции по звонкости [1]; от вдовы [-двд-], с вдовой [звд-], как вдруг [-гвдр-] и т.д., ср. от входа [-твх-], от врача [-твр-]; аналогично также без битв бы [-двб-], без жертв бы [-рдвб-], ср. без битф [-тф], без битв-то [-тфт-], без битв нам [-тфн-], без битв ведь [-тфв'-].

Сам Якобсон отмечает, однако, что это явление наблюдается лишь в "полном" стиле произношения, при плотном (или "тесном") примыкании двух слов друг к другу. При неплотном примыкании ассимиляции не происходит (это верно не только для в, но и вообще для всех шумных): медведь голоден [-т'г-] — здесь неплотное примыкание функционально равносильно паузе (пример Якобсона), лев голоден [-фг-] и т.д. Эффект неплотного примыкания характерен также для "эллиптического" стиля произношения: Лев Данилович [-фд-], без битв бы [-тфб-] (примеры Якобсона).

Пользуясь предложенным выше способом записи, эти примеры можно представить так: медведь голоден [-т'.г-]; Лев Данилович [-вд-] в "полном" стиле и [-ф.д-] в "эллиптическом"; без битв бы [-двб-] в "полном" стиле и [-тф.б-] в "эллиптическом" и т.д.

З а м е ч а н и е. На первый взгляд кажется парадоксальным, что "эллиптический" стиль дает меньше эффектов сандхи, чем "полный". В действительности, однако, такое соотношение вполне нормально. Известно, например, что небрежное произношение санскрита отличалось от литературного меньшим количеством эффектов сандхи; аналогично положение с liaison во французском.

Как было показано выше, неплотное примыкание возможно и внутри слова. Отсюда ясно, какое место в описываемой совокупности фактов занимает наблюденное А.А.Реформатским произношение словоформы язв со звонким [з]: это не что иное как [јаз.ф] (т.е. реализация типа Б). Иначе говоря:

	реализация типа А	реализация типа Б
язв	[јасф]	[јаз.ф]

---

[1] См.: R.Jakobson, Die Verteilung der stimmhaften und stimmlosen Geräuschlaute im Russischen, "Selected Writings", I, The Hague - Paris, 1971, стр. 505; он же, К вопросу о глухости и звонкости русских щелинных губных, там же, стр. 728.

Отсутствие ассимиляции в [јаз.ф] (т.е. в реализации типа Б) – совершенно такое же, как в медведь голоден [-т'.г-], помог вдове [-к.вд-] и т.п. Ср. наличие ассимиляции во всех этих случаях в условиях плотного примыкания: [јасф] (реализация типа А), [-д'г-], [-гвд-].

Таким образом, при неплотном примыкании в (в') к предшествующей фонеме перед ним возможно различение звонких и глухих, даже если за в (в') не следует гласная: язв [јаз.ф], язв бы [јаз.вбы], но битв [б'ит.ф], битв бы [б'ит.вбы]. При плотном примыкании такая возможность здесь отсутствует: [јасф], [јазвбы], [б'итф], [б'идвбы].

Как известно, важнейшее отличие сонантов от шумных в русском языке (как и во многих других языках) состоит в том, что шумные участвуют в регрессивной ассимиляции по звонкости (как пассивно, т.е. сами подвергаются ей, так и активно, т.е. подвергают ей предшествующую согласную), а сонанты – не участвуют (ни пассивно, ни активно). Конечная позиция в слове эквивалентна при этом позиции перед глухой шумной.

Русское в (в') есть "полусонант", поскольку оно участвует в ассимиляции пассивно, но не участвует активно.

Наблюденную Р.Якобсоном особенность в (в') можно сформулировать (с учетом наблюдения А.А.Реформатского относительно язв), в частности, так: в (в') в позиции между шумными согласными при плотном примыкании по крайней мере к предшествующей фонеме ведет себя не как "полусонант", а как обычная шумная согласная.

Можно выдвинуть следующее предположение: данное свойство является не индивидуальной особенностью "полусонанта" в (в'), а частным проявлением некоторого общего свойства всех русских сонантов (а может быть, также и сонантов каких-то других языков). Это предполагаемое общее свойство состоит в том, что в позиции между шумными согласными (а также между шумной согласной и паузой), при плотном примыкании по крайней мере к предшествующей фонеме, сонант, если только он не становится слоговым, ведет себя как шумная согласная.

В предложенных выше терминах это можно сформулировать и так: в позиции между шумными согласными (или между шумной согласной и паузой) сонант при реализации типа А ведет себя как шумная согласная.

К сожалению, прямая проверка этой гипотезы затруднительна, поскольку мы не располагаем строгими критериями для различения реализаций А и Б (в частности, стихи позволяют отличить А от В, но не А от Б). В сущности, мы можем утверждать лишь следующее: возможно такое разделение реальных произнесений неслоговых сонантов на типы А и Б, которое, во-первых, согласуется с выдвинутой гипотезой, во-вторых, не приходит в очевидное противоречие с "аудиторским" наблюдением.

В соответствии с выдвинутой гипотезой при реализациях типа А должны наблюдаться в частности, следующие эффекты:

1) оглушение сонанта, например, в та́тр̥ский, ка́ф̥ский, су́пра́сл̥ский, бургоми́стр̥ша, смотр̥, искр̥, вихр̥ь, дряхл̥, мысл̥ь и т.п.;

2) оглушение как сонанта, так и предшествующей звонкой шумной, например, в октя́бр̥ьский, гренобльский, хорезмский, бо́дрствовать, му́дрствовать, добр̥, игр̥, жезл̥, рубл̥, кора́бл̥ и т.п.;

3) озвончение глухой шумной, например, в метрдоте́л̥ь, мешо́к р̥жи́, э́тих лбо́в, кусо́к льда́ и т.п.

Эффект 1, как известно, действительно широко наблюдается. Интересно отметить поэтическое использование этого эффекта у Б.Пастернака ("Второе рождение"):

И астр тяжеля переливы

и далее в том же стихотворении:

Покоилась люстр тишина.

В обоих примерах представлено сочетание /-стр'-/, в котором р оглушается, что создает эффект шопота, хорошо гармонирующий с изображаемой траурной картиной (ср. в особенности соответствие звучания и смысла во второй из приведенных строк).

Эффект 1 встречается, правда, не только при реализации типа А. По-видимому, зависимость здесь такая: в типе А оглушение обязательно, в прочих типах возможно, но не обязательно.

Эффект 2 наиболее заметен в словах на -брьский типа октя́брьский (в особенности в самом этом слове, ввиду его высокой частотности [1]). Сочетание [-пр̊'ск-] [2], которое часто встречается в этом

[1] Ср. также Октя́брьск - название двух городов (в Куйбышевской области и в Казахской ССР).

[2] Оглушение обозначаем через надстрочный кружочек (в отличие от подстрочного кружочка, обозначающего слоговость).

слове, по-видимому, соответствует реализации А. При реализациях Б, В и Г оглушения нет. Встречающееся, кроме того, просторечное [-пск-], вероятно, является упрощением [-пр'ск-]. В целом, однако, тип А в словах подобной структуры очень редок; нормально здесь представлены типы В и Б. В частности, для слов бо́дрствовать и му́дрствовать тип А почти не встречается (если же в качестве эксперимента попытаться осуществить здесь тип А специальным усилием, становится заметным оглушение д).

В словоформах типа добр эффект 2 тоже возможен, хотя обычно лишь в слабой форме, т.е. только с частичным оглушением звонкой шумной. Можно полагать, что здесь он строго ограничен реализациями типа А (именно такую реализацию, видимо, предполагает упоминаемая А.А.Реформатским запись добр как dopr у М.В.Ломоносова). Между тем в современном языке реализация А в этом случае редка: в разговорной речи преобладает реализация В, в чтении стихов (по крайней мере внутри строки) – Б.

Эффект 3 не наблюдается – даже если сонант не образует слога (судя по стихотворному размеру), например:

Как утес, мне грозится сквозь мглу
(А.Белый, "Возмездие");

Как благовест к заутрене средь мги
(Б.Пастернак, "Спекторский");

Застрахованность этих лбов
(М.Цветаева, "Крысолов").

Во всех этих случаях согласная, стоящая перед неслоговым сонантом, остается глухой. Несомненно, однако, что здесь не применяется реализация А. Нормой при чтении стихов здесь является реализация Б; возможна также межсловная пауза, ср. естественность такой паузы, например, в строке:

В день, когда станут – льды
(М.Цветаева, "Крысолов")

В прозаической литературной речи в подобных случаях выступает реализация В. Заметим, что она может встретиться и при чтении стихов (хотя в этом случае создается впечатление ломки размера); например, именно так И.Ильинский читает "Сон Попова" А.Толстого (часто повторяющаяся словоформа мини́стр произносится в три слога с ломкой размера).

Настоящая заметка основана только на "аудиторских" наблюдениях; представляло бы интерес подвергнуть эти наблюдения экспериментально-фонетической проверке.

Если высказанная здесь гипотеза верна, то историческое развитие в от статуса сонанта к статусу "полусонанта" (см. выше) естественно связывать с тем, что в истории славянских языков в раньше всех других сонантов получило способность выступать в неслоговом качестве в позиции между согласными.

И.А. Мельчук

К ПОНЯТИЮ ПОВЕРХНОСТНО-СИНТАКСИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ (ПСО)

А.А.Реформатскому,
к его 75-летию.

Мы исходим из следующих четырех положений:

(i) В лингвистическом описании естественного языка целесообразно выделять отдельный – СИНТАКСИЧЕСКИЙ – уровень представления фраз, автономный как по отношению к морфологии, так и по отношению к семантике. Синтаксическое представление фразы призвано отображать **особенности строения фразы как таковой**, максимально игнорируя, с одной стороны, внутреннее строение входящих в нее слов, а с другой – ее смысловое содержание. Таким образом, синтаксическое представление (СП) является **промежуточным**: между морфологическим представлением (МП) со стороны "поверхности" (т.е. со стороны фонетического облика реальной фразы) и семантическим представлением (СемП) со стороны "глубины" (т.е. со стороны смыслового содержания фразы).

(ii) Полезно различать ДВА ПОДУРОВНЯ синтаксического представления: ПОВЕРХНОСТНЫЙ, более близкий к внешнему виду фразы, т.е., в частности, к ее МП, и ГЛУБИННЫЙ, более близкий к ее смыслу, т.е. к ее СемП. В соответствии с этим в наших описаниях используются два СП фраз: поверхностно-синтаксическое (ПСП) и глубинно-синтаксическое (ГСП).

(iii) Центральным компонентом ПСП фразы является ее поверхностно-синтаксическая структура (ПСС), изображающая ИЕРАРХИЧЕСКИЕ СВЯЗИ между входящими в нее словами.

(Прочие компоненты ПСП, о которых в настоящей статье речь идти не будет, таковы:

– коммуникативная структура фразы, описывающая ее членение 1) на тему – рему; 2) на данное, или "старое", – новое; 3) на выделенное – невыделенное; и т.п.;

– просодическая структура фразы, описывающая ее семантически нагруженную просодику;

– анафорическая структура фразы, т.е. сведения о кореферентности тех или иных ее компонентов.)

(1v) В качестве формального средства изображения ПСС принимаются ДЕРЕВЬЯ ЗАВИСИМОСТЕЙ[v]. ПСС некоторой фразы Ф есть дерево зависимостей, узлы (= вершины) которого помечены символами лексем фразы Ф (в том числе – символами нулевых лексем, если они есть в Ф), а ветви (= дуги) – символами типовых поверхностно-синтаксических отношений (ПСО) соответствующего языка. Множество узлов ПСС неэллиптичной фразы Ф и множество вхождений лексем во фразу Ф (считая и нулевые лексемы) находятся во взаимнооднозначном соответствии[vi]. Что же касается всей той информации о связях между вхождениями лексем, которая в реальной фразе передается так называемыми с и н т а к с и ч е с к и м и с р е д с т в а м и – порядком слов, просодикой (на письме – знаками препинания) и определенными морфологическими характеристиками отдельных слов (показателями согласования и управления), – то она отображается в ПСС исключительно посредством различных ПСО: дерево ПСС является неупорядоченным, и в нем никак не представляются ни знаки препинания, ни имеющие чисто синтаксическую функцию морфологические характеристики слов.

Тот факт, что в ПСС отсутствует порядок узлов и не сохранены падежи существительного, род, число и падеж прилагательного, число, лицо и род глагола (все перечисленные здесь характеристики считаются "чистыми" маркерами синтаксических связей, просто показателями согласования и управления; см., однако, Примечание 1), исключительно важен для всех последующих рассуждений. Поэтому мы специально подчеркиваем его здесь.

Содержание пунктов (1) – (1v) более подробно раскрывается в книге [1]; см., в особенности, стр. 32–41 и 208–236. В этой же книге излагается общетеоретическая концепция (подход

---

[v] Известны синтаксические факты, которые не могут быть удовлетворительным образом описаны на языке деревьев зависимостей; поэтому для изображения ПСС применяется ряд дополнительных средств (например, в случаях типа быстрые протоны и нейтроны указываются составляющие). От всего этого, однако, можно полностью отвлечься.

[vi] Построение ПСС для фраз, содержащих эллипсис, например, для фраз типа (1):

(1) Существительное в им. падеже может быть подлежащим практически всегда, а в род. падеже – лишь при выполнении целого ряда специфических условий, – представляет собой особую проблему, нами сознательно не затрагиваемую. Поэтому все, что говорится здесь и ниже, относится только к неэллиптичным фразам.

"Смысл" $\Leftrightarrow$ "Текст"), в рамках которой ведутся все дальнейшие рассуждения.

Из сказанного выше должно быть ясно, какую важную роль играет понятие ПСО для предлагаемого описания синтаксического строения фраз. Естественным образом встают две следующие, тесно связанные друг с другом задачи: с одной стороны, необходима эмпирическая инвентаризация ПСО для разных языков, с другой – требуется уточнение и формализация интуитивных представлений о ПСО (эти представления довольно сильно различаются не только у разных исследователей, но и в разные периоды у одних и тех же авторов).

Экспериментальные перечни ПСО для русского языка предложены в [2, с. 490-493], [3, с. 20-24], [4, с. 9-11] и [1, с. 221-234], а также в [5] и [6, с. 71-77]; аналогичные перечни для французского, сомалийского, английского и немецкого языков даны в [7, с. 40-44], [8, с. 12-32], [9, с. 17-18]-[10] и [11] (а также [20, с. 23-24]) соответственно. Попытка теоретического осмысления понятия ПСО была сделана в [1, с. 211-212, 219-221, 234-235]; не повторяя всех приводившихся в [1] соображений, мы остановимся лишь на одном вопросе: на критериях необходимости введения РАЗНЫХ ПСО для описания тех или иных словосочетаний. Ниже предлагаются три подобных критерия; каждому из них посвящен отдельный параграф.

Следует особо подчеркнуть, что эти критерии носят сугубо э в р и с т и ч е с к и й характер. Их формулировки очень далеки от подлинной строгости и формальности; вовсе не исследованы и возможные соотношения между ними. Все, что мы хотели бы, это предложить для обсуждения соответствующие идеи.

§ 1.

В [1, с. 212] был сформулирован следующий критерий (мы приводим здесь слегка видоизмененную формулировку).

> Рассмотрим в данном языке пару бинарных словосочетаний G_1 и G_2, которые состоят из одинаковых лексем X и Y, связанных синтаксической зависимостью в одинаковом направ-

лении (т.е. если в G_1 мы имеем, например, X ⟶ Y, то и в G_2 мы имеем X ⟶ Y).

(I′) Если
– $G_1 \neq G_2$, причем G_1 и G_2 различаются только синтаксическими средствами, оформляющими связь между образующими их лексемами X и Y (т.е. G_1 и G_2 различаются или порядком вхождений X-а и Y-а, или просодикой, или, наконец, морфологическими показателями согласования или управления при X-е или Y-е), и
– G_1 и G_2 противопоставлены по смыслу (т.е. СемП(G_1) ≠ СемП(G_2)),

то тогда для изображения данных словосочетаний в ПСС необходимы два разные ПСО, т.е. ПСС (G_1) = X $\xrightarrow{r_1}$ Y, ПСС (G_2) = X $\xrightarrow{r_2}$ Y, $r_1 \neq r_2$.

Критерий I′, как отмечалось в [1], позволяет узнать, м о ж н о ли усматривать в словосочетаниях типа G_1 и G_2 одинаковые ПСО (или же здесь необходимо ввести разные ПСО); он, однако, ничего не говорит о том, с л е д у е т ли усматривать одинаковые ПСО в тех словосочетаниях, в которых критерий I′ не требует разных ПСО. Другими словами, указанный критерий обеспечивает проверку д о с т а т о ч н о с т и инвентаря ПСО для данного языка: "Если можно подобрать такое словосочетание, что при устранении из него всех синтаксических показателей мы не можем с помощью имеющихся ПСО показать отличие данного словосочетания от какого-то другого (противопоставленного ему по смыслу) словосочетания, состоящего из тех же лексем с тем же направлением зависимости [между ними], то набор ПСО должен быть соответственным образом расширен" [1, с. 212]. Что же касается проверки н е о б х о д и м о с т и каждого конкретного ПСО, то критерий I′ просто не имеет к этому отношения. Подобное положение дел вполне обычно для лингвистики: наличие смыслового противопоставления, т.е. критерий минимальных пар, всегда показывает лишь то, что данные две единицы не могут быть отнесены к одной "-эме", и ничего не говорит о том, какие единицы должны быть отнесены к одной "-эме". Различение в языке производится на основе легко формализуемого критерия минимальных пар, а ото-

ществление – на основе других, сугубо неформальных соображений ("физическое" сходство[1], удобство описания и т.п.). Таким образом, в этом аспекте с критерием I′ все, по-видимому, благополучно.

Тем не менее, критерий I′ нуждается в существенном уточнении. Это становится очевидным, прежде всего, при рассмотрении некоторых сравнительных конструкций в русском (и в английском) языке: критерий I′, в его опубликованной редакции, не только допускает интуитивно неудовлетворительное описание ПСС этих конструкций, но даже и подталкивает исследователя к неудачному решению. Обратимся к фактам[2].

Рассмотрим фразы (2) и (3):

(2) Я люблю тебя больше, чем Маша.

(3) Я люблю тебя больше, чем Машу.

Эти фразы очевидным образом противопоставлены по смыслу, а формальное различие между ними состоит только в падеже существительного Маша; поскольку падеж русского существительного считается, как уже говорилось (стр.25), чисто синтаксическим средством, он не отображается в ПСС; следовательно, ПСС фразы (2) и ПСС фразы (3) могут различаться только посредством ПСО, и притом посредством ровно одного ПСО. В соответствии с этим соображением, в [1] для подобных конструкций было предложено следующее поверхностно-синтаксическое описание:

(4) Я тебя люблю $\xrightarrow{\text{обст}}$ больше $\xrightarrow{\text{суб-сравн}}$ чем $\xrightarrow{\text{пр-союзн}}$ Маша;

(5) Я тебя люблю $\xrightarrow{\text{обст}}$ больше $\xrightarrow{\text{1 компл-сравн}}$ чем $\xrightarrow{\text{пр-союзн}}$ Машу.

[здесь обст = обстоятельственное ПСО, пр-союзн = предложно-союзное ПСО, суб-сравн = субъектно-сравнительное ПСО и 1 компл-сравн = 1-ое комплетивно-сравнительное ПСО]

---

[1] Ср. работу [12], где понятие сходства предлагается в качестве одного из наиболее фундаментальных неопределяемых понятий лингвистики.

[2] Необходимость пересмотреть критерий I′ стала очевидной для автора в результате обсуждения синтаксического статуса сравнительных конструкций и предложенных в [1] способов их представления на семинаре группы автоматического перевода института "Информэлектро" (Ю.Д.Апресян, И.М.Богуславский, А.К.Жолковский, Л.Е.Иорданская).

и введено несколько "специально-сравнительных" ПСО (наряду с "нормальным" сравнительным – в случаях типа

(6) вершина, более трудная, чем Аннапурна и

(7) дети старше трех лет,

где противопоставление типа (2) vs. (3) невозможно); см. [1, с. 228]. В работе [13] были описаны специально-сравнительные ПСО русского языка, т.е. случаи сравнительных конструкций, допускающих смысловое противопоставление за счет варьирования чисто синтаксических морфологических характеристик последнего члена конструкции (= второго компарата); их оказалось 10 (сравнительно-предикативное, 1-ое-3-ье сравнительно-комплетивные, сравнительно-агентивное, сравнительно-атрибутивное, сравнительно-обстоятельственное, сравнительно-субъектно-копредикативное, сравнительно-объектно-копредикативное и сравнительно-инфинитивно-целевое[*]) плюс общесравнительное. Аналогичное описание предложено в [10] и для английского языка:

(8) I like Peter more (суб-сравн) than (пр-союзн) she и

(9) I like Peter more (об-сравн) than (пр-союзн) her

[здесь суб-сравн = субъектно-сравнительное, об-сравн = объектно-сравнительное];

в остальных случаях применяется "простое" сравнительное ПСО (= "общесравнительное"):

(10) The new milieu did provide a sounder medium for testing language theories than mechanical translation alone.

(сравнительное; предложно-союзное)

Подчеркнем, что хот. критерий I′ не требует именно такой трактовки конструкций (4)–(5) и (8)–(9), он все же допускает ее. Однако эта трактовка имеет следующий интуитивно очевидный

---

[*] Цитируя, мы сохранили здесь "старый" способ обозначения специально-сравнительных ПСО, принятый в [13]: "сравнительно-Х-овое ПСО". Теперь, как читатель уже мог видеть, мы предпочитаем обратный порядок компонентов составного наименования: "Х-ово-сравнительное ПСО"; этим, как нам кажется, подчеркивается, что все данные ПСО суть разновидности именно сравнительного.

недостаток[15]: одно и то же словосочетание (больше чем и more than) представляются в разных контекстах р а з н ы м и ПСО (суб-сравн vs. 1 компл-сравн в (4)-(5), суб-сравн vs. об-сравн в (8)-(9)), а реально различающиеся сочетания чем Маша/чем Машу и than she/than her - о д и н а к о в ы м ПСО (пр-союзн).

Критерий I′ просто ничего не говорит о разных ПСО в одинаковых словосочетаниях, а для введения разных ПСО в сочетания типа чем Маша/чем Машу он требует, чтобы они противопоставлялись по смыслу. Однако можно ли утверждать, что словосочетания чем Маша и чем Машу противопоставлены по смыслу? Эти словосочетания недостаточно автономны и (по крайней мере, в соответствии с интуицией автора) не имеют какого-либо смысла, отличного от смысла слова Маша (каков бы ни был этот смысл): ведь чем - это типично служебное, чисто "синтаксическое" слово, просто показатель связи между сравнительным словом и вторым компаратом (т.е. тем, с ч е м сравнивается нечто), не обладающий собственным смыслом. Поэтому словосочетаниям чем Маша и чем Машу невозможно сопоставить какие-либо различные СемП. В результате критерий I′ оказывается здесь неприменимым, а трактовки (4)-(5) и (8)-(9) - допустимыми. Более того, находится соображение, подкрепляющее одинаковость описания ПСС словосочетаний типа $G_{чем}$: чем Маша и чем Машу.

Мы имеем в виду аналогию со словосочетаниями типа $G_{и}$: и М_ла/и Машу, или Маша/или Машу, но не Маша/но не Машу и т.п. (т.е. сочинительный союз + второй член сочиненной группы). Сочетания типа $G_{чем}$ и типа $G_{и}$ интуитивно очень близки друг к другу; они похожи формально, а пары сочетаний типа $G_{и}$ тоже

[15] Вполне возможно, что она имеет и другие недостатки; так, не исключено, что в таких конструкциях можно усматривать поверхностно-синтаксический эллипсис (Я тебя люблю больше, чем Маша ⇐ Я тебя люблю больше, чем тебя любит Маша и т.п.) или вообще описывать их, не ограничиваясь средствами дерева зависимостей. Мы, однако, позволим себе не рассматривать подобных возможностей и будем считать, что наша задача - указать путь улучшения д а н н о й трактовки, не меняя ее по существу. Более подробно синтаксическое описание русских сравнительных конструкций рассматривается в [14].

не противопоставляются по смыслу: сочетание *или Маша* и сочетание *или Машу* имеют, разумеется одинаковое СемП. При этом целесообразность описания сочетаний $G_{и}$ посредством одного ПСО представляется совершенно очевидной: *или* $\xrightarrow{\text{пр-союзн}}$ *Маша*, *или* $\xrightarrow{\text{пр-союзн}}$ *Маши*, *или* $\xrightarrow{\text{пр-союзн}}$ *Машу* и т.п. Отсюда вытекает стремление описывать и сочетания типа $G_{чем}$ посредством одного ПСО, а это, в свою очередь, требует ввести разные ПСО в сочетания *больше* < *сильнее, дольше, ...* > $\longrightarrow$ *чем*, как мы и поступили в [1], а также в ряде других работ.

Тем не менее, трактовки (4)-(5) и (8)-(9) остаются неудовлетворительными – по той причине, которая была только что указана (одинаковое ПСО в разных сочетаниях, разные ПСО – в одинаковых). Необходимо так изменить критерий I′, чтобы подобный недостаток автоматически исключался не только в данных сочетаниях, но и в общем случае, и чтобы при этом обеспечивалось адекватное представление других интуитивно ощущаемых сходств и различий в синтаксическом строении фраз.

Желательное изменение критерия I′ оказывается возможным на следующем пути, который подсказывается очевидной фонологической аналогией. Когда решается вопрос о том, могут два речевых звука [f′] и [f″] относиться к одной фонеме или нет, мы пытаемся найти смысловое противопоставление *не* между самими этими звуками (это было бы просто бессмысленно!), а между двумя словоформами w_1 и w_2 такими, что в означающее одной входит [f′], а в означающее другой – [f″], причем [f′] и [f″] занимают одно и то же место в цепочках фонем, образующих означающие этих словоформ, и других различий, кроме указанного, между означающими у w_1 и w_2 нет; если такие словоформы (= минимальная пара) обнаруживаются в данном языке, то [f′] и [f″] относятся к разным фонемам[*]. Впрочем, в отдельных случаях означающее словоформы реализуется всего одним звуком: например, [а], [о], [и], [у] в русском языке (союзы *а, и*, предлоги *о, у*); тем не менее,

[*] Подчеркнем, что обратное неверно: отсутствие минимальных пар для [f′] и [f″] не говорит ровным счетом ничего о принадлежности этих звуков к одной фонеме; для отнесения [f′] и [f″] к одной фонеме необходимо привлечь целый ряд дополнительных (в основном, неформальных) соображений, в первую очередь – касающихся "физического" сходства этих звуков.

это не дает оснований говорить о смысловом противопоставлении самих знуков: противопоставляются всегда м и н и м а л ь н ы е в ы с к а з ы в а н и я, т.е. словоформы, содержащие нужные нам звуки в одинаковой линейной позиции.

Точно так же, решая вопрос о том, могут ли два словосочетания G_1 и G_2 описываться одним ПСО или нет, мы должны проверять наличие смыслового противопоставления не между самими этими словосочетаниями, а между двумя полными высказываниями, в которые входят G_1 и G_2 соответственно, причем обязательно в одной и той же синтаксической позиции. Впрочем, если проверяемые сочетания G_1 и G_2 оказываются сами достаточно полными высказываниями (например, если они имеют прямую предметную соотнесенность), то тогда их можно противопоставлять по смыслу непосредственно: отец товарища vs. отец-товарищ; десять раз vs. раз десять; послать мать vs. послать матери; и т.п. Подобных случаев довольно много, однако с логической точки зрения это всего лишь такой же частный случай, как отдельные звуки, совпадающие с означающими словоформ (типа указанных выше рус. а, о, и, у). В о б щ е м с л у ч а е словосочетания должны противопоставляться друг другу только в составе достаточно полных высказываний.

Как только мы примем это последнее положение, мы сразу увидим разницу между сочетаниями типа $G_{чем}$ и $G_{и}$: фразы (2) и (3) различаются только одним словосочетанием (чем Маша vs. чем Машу), однако невозможно построить две такие полные (без каких бы то ни было эллипсисов) русские фразы, которые различались бы только одним словосочетанием типа $G_{и}$ (или Маша vs. или Машу); ср.:

(10) Придет Петя или Маша.
(11) *Придет Петя или Машу.
(12) Мы позовем Петю или Машу.
(13) *Мы позовем Петю или Маша.

Сочетания типа $G_{и}$ – в отличие от $G_{чем}$ – не поддаются коммутации, точно так же, как в русском языке не поддаются коммутации разные варианты /t/ перед /a/ и /u/ или разные варианты /a/ после мягких и твердых согласных. Поэтому сочетания типа $G_{и}$ вполне естественно описывать посредством одного

ПСО, а в сочетаниях типа $G_{чем}$ следует использовать разные ПСО. Сходство словосочетаний типа $G_{и}$ и $G_{чем}$ оказывается более поверхностным, а их различие более глубоким, чем это казалось на первый взгляд. К этому вопросу мы еще вернемся, а сейчас попытаемся сформулировать по-новому (т.е., прежде всего, в более обобщенном виде) интересующий нас критерий необходимости введения разных ПСО для описания словосочетаний, состоящих из одних и тех же лексем.

(I) Рассмотрим в данном языке пару бинарных словосочетаний G_1 и G_2, которые состоят из одинаковых лексем X и Y, связанных синтаксической зависимостью в одинаковом направлении.

Для изображения словосочетаний G_1 и G_2 в ПСС два р а з н ы х ПСО используются тогда и только тогда, когда:

- $G_1 \neq G_2$, причем G_1 и G_2 различаются только синтаксическими средствами, оформляющими связь между образующими их лексемами X и Y;
- в данном языке существуют два противопоставленные по смыслу высказывания E_1 и E_2, содержащие G_1 и G_2 соответственно ($E_1 \supset G_1$, $E_2 \supset G_2$, $СемП(E_1) \neq СемП(E_2)$) и не имеющие никаких других различий.

(Относительно некоторых трудностей, связанных с применением критерия I к конкретному языковому материалу, см. Примечание 2, стр. 52 .)

В соответствии с критерием I в разных сочетаниях типа $G_{чем}$ мы обязаны усматривать разные ПСО, т.е. чем $\xrightarrow{r_1}$ Маша, чем $\xrightarrow{r_2}$ Машу, чем $\xrightarrow{r_3}$ Машей, ..., где $r_1 \neq r_2$, $r_2 \neq r_3$, $r_1 \neq r_3$ и т.п.; в то же время в сочетаниях $A_{сравн}$ $\xrightarrow{Adv_{сравн}}$ чем (т.е. больше чем, длиннее чем, толще чем, ...) критерий I требует применять одно и то же ПСО. Таким образом, критерий I исключает трактовки типа (4)-(5) и (8)-(9), позволяя тем самым избежать недостатка, указанного на стр. 30 . Тем не менее, чтобы убедиться в целесообразности критерия I, желательно рассмотреть некоторые практические следствия его принятия. Мы сделаем это на материале именно сравнительных конструкций (используя данные статьи [14]).

Прежде всего, возьмем пару чем $\xrightarrow{r_n}$ X. В роли X-а – второго компарата – здесь могут выступать существительные в разных падежах, прилагательные (Синим это пятно кажется чаще, чем → зеленым), числительные (больше, чем → шести), предлоги (Он ходит на концерты охотнее, чем → в театр), союзы (Ей приятнее, когда ее гладят, чем → когда ее целуют), личные формы глагола (Я люблю тебя больше, чем Евстигней любил Маланью), т.е. практически – слова почти всех классов (за исключением некоторых частиц, вроде не и только, и некоторых союзов, в частности – сочинительных).

Если X – изменяемое слово, то его синтаксически обусловленная форма полностью зависит от формы первого компарата Y – того, ч т о сравнивается:
(14) Она дает ему вино [= Y] чаще, чем водку [= X];
(15) Она поит его вином [= Y] чаще, чем водкой [= X]; и т.п.
Форма Y-а, в свою очередь, обусловлена тем ПСО, зависимым членом которого является сам Y, и (возможно) главным членом этого ПСО. Поэтому для пар чем $\xrightarrow{r_n}$ X необходимо столько разных r_n сколько имеется в русском языке разных ПСО таких, что зависимым членом любого из этих ПСО может быть первый компарат Y сравнительной конструкции. Подобных ПСО оказывается 14 (см. [14]): 1) предикативное, 2)-6) 1-ое – 5-ое комплетивные, 7) агентивное, 8) атрибутивное, 9) обстоятельственное, 10) субъектно-копредикативное, 11) комплетивно-копредикативное, 12) присвязочно-генитивное, 13) адресатное, 14) целевое. Следовательно, в выражении вида чем $\xrightarrow{r_n}$ X мы имеем n = 1, 2, ..., 14, т.е. критерий I требует наряду с одним – отсоюзным[*] – ПСО иметь для описания выражений чем $\xrightarrow{r_n}$ X 14 разных специальных отсоюзных ПСО: 1) предикативно-отсоюзное, 2)-6) 1-ое – 5-ое комплетивно-отсоюзные, 7) агентивно-отсоюзное, ..., 13) адресатно-отсоюзное, 14) целевое-отсоюзное. При этом дублируется чуть ли не половина основных русских ПСО. В этом отношении критерий I не лучше и не хуже критерия I′, который требует точно такого же дублирования, но только, так сказать, в другой точке системы ПСО: вместо отсоюзного ПСО в согласии с критерием I′ расщеплялось сравнитель-

[*] Вместо предложенного в [1, стр. 229] одного – предложно-союзного – ПСО мы считаем теперь более целесообразным иметь в русском языке два ПСО: отсоюзное и отпредложное, см. ниже, стр. 42.

ное ПСО, и вводилось столько же разных "специально"-сравнительных ПСО. Однако, как уже отмечалось, с помощью р а з н ы х специально-сравнительных ПСО приходилось описывать совершенно о д и н а к о в ы е словосочетания; при разных специально-отсоюзных ПСО такого неудобства не получается. Более того: находится еще одно дополнительное соображение в пользу расщепления именно отсоюзного ПСО.

Дело в том, что в русском языке существует целый ряд союзов, характеризующихся точно таким же синтаксическим поведением, что и чем. Ср., например:

(16) Я тебя люблю, как → Маша.
(17) Я тебя люблю, как → Машу.
(18) Я встретил его в том же месте, что (и) → Маша.
(19) Я встретил его в том же месте, что (и) → Машу.
(20) Я дал ему столько же книг, сколько → Маша.
(21) Я дал ему столько же книг, сколько → Маше.

Число подобных примеров легко существенно увеличить.

Таким образом, мы имеем конструкцию вида

$$C \xrightarrow{r_n} X,$$

где в качестве C выступает около двух десятков различных союзов и союзных выражений: как, словно, будто, как будто, (такой же <тот же> ...) что(и)[во всех падежах], (тогда же...) когда (и), (там же...) где (и), (туда же...) куда (и), (оттуда же...) откуда (и), (столько же...) сколько (и), (потому же...) почему (и), (оттого же...) отчего (и), (так же...) как(и), равно как(и), (к тому же...) к кому (и), (для того же...) для чего (и) [с любыми предлогами] и т.п. Расщепление отсоюзного ПСО, т.е. введение четырнадцати специально-отсоюзных ПСО, необходимо, таким образом, не только для одного чем, но для целого особого подкласса союзов, которые естественно назвать с р а в н и т е л ь н ы м и.

В результате в русском языке выделяются три основные подкласса союзов (Conj):

- Сочинительные союзы (Conj, coord), выступающие в конструкциях двух типов:

либо (1) $X \xrightarrow{\text{сочин}} (\text{Conj, coord}) \xrightarrow{\text{отсоюз}} Y$, где X и Y -

слова практически любых, но одинаковых классов (Петю и Машу; быстро, но аккуратно; кулебякой, а также расстегаями),

либо (ii) в начале фразы (И грянул гром; А я, проспавши до полудни, курю табак и кофий пью. – Г.Р.Державин).

– Подчинительные союзы (Conj, subord), выступающие в конструкциях типа $X \xrightarrow{r}$ (Conj, subord) $\xrightarrow{\text{отсоюзн}} Y$, где Y – личный глагол, т.е. вершина придаточного предложения, X – глагол (или слово "глагольного" характера – причастие, отглагольное существительное и т.п.), а r – предикативное, одно из комплетивных или обстоятельственное ПСО (Ее огорчает, предик→ →Что люди забыли Придумать Собачкам Автомобили – Б.Заходер; Говорят, 1 компл→что там живет Трехголовый кашалот – он же; И глаза слипаться стали, обст→Чтобы все скорее спали – он же; Черепаха всех смешит, обст→Потому что не спешит – он же)[ж].

– Сравнительные союзы (Conj, compar), выступающие в конструкциях типа $X \xrightarrow{r_1}$ (Conj, compar) $\xrightarrow{r_j} Y$, где X – либо глагол или прилагательное, либо прилагательное или наречие в сравнительной степени, либо так называемый коррелятив (такой же, тот же, тогда же, там же, ...), Y – слово почти любого класса, r_1 – сравнительное или обстоятельственное ПСО, а r_j – отсоюзное или одно из четырнадцати специально-отсоюзных ПСО (И наверно уцелела б рота, Если б в тот последний смертный час Ты одной любовью, о природа, Как предик-отсоюзн→Христос, насытила бы нас – Б.Ш.Окуджава; Петя любил Машу нежнее, чем 1 компл-отсоюзн→Катю; Туземцы чаще бывают низкорослые, чем прибл-генит-отсоюзн→высокого роста; Петя нарисовал Машу в тот же день и с той же целью, что (и) предик-отсоюзн→Вася). Подчеркнем, что в срав-

[ж] Некоторые подчинительные союзы могут соединять однородные члены: счастливое, хотя и усталое, лицо; достаточно полное, если (и) не исчерпывающее описание; на труднейшем, потому что новом, мало испытанном в кино материале (последний пример взят из [15, с. 414]. Это явление было зафиксировано, в частности, еще А.М.Пешковским ([15, с. 414-415]), который оценил его как факт "исключительного характера", как один из "всевозможных сдвигов в системе языка... [которые] только подтверждают самое систему".

нительной конструкции между X-ом, Y-ом и самим сравнительным союзом (Conj, compar) имеются определенные корреляции: 1) если X - форма сравнительной степени, то (Conj, compar) - чем или нежели; 2) если X - коррелятив тот же, то (Conj, compar) - что (и); 3) если X - коррелятив такой же, то (Conj, compar) - какой(и), как(и), что(и); и т.д. (подробнее см. [14, с.]).

В русистике принято различать только два основных подкласса союзов: сочинительные и подчинительные, ср. [15, с. 411], [16, с. 665], [17, с. 312]. Сравнительные союзы выделяются внутри подкласса подчинительных сугубо по семантическим основаниям - наряду с временными, условными, причинными и т.п. (с и н т а к с и ч е с к а я специфичность сравнительных союзов мимоходом отмечена лишь в [17, с. 312]). Тем не менее, как мы только что видели, сравнительные союзы имеют совсем особые синтаксические свойства, резко отличающие их и от сочинительных, и от подчинительных союзов: только сравнительные союзы вводят обороты со специально-отсоюзными ПСО. Это и заставляет нас различать не два, а три равноправных подкласса союзов: сочинительные, подчинительные и сравнительные[W]. (При этом мы не решаем здесь вопроса о соотношении между признаками coord, subord и compar: являются ли они взаимоисключающими или нет? есть ли между ними определенные импликации? и т.п. Вполне возможно, что эти признаки совместимы друг с другом; так, союз хотя и можно было бы, по-видимому, считать сразу и сочинительным и подчинительным, см. сноску к стр. 36 .)

Наличие достаточно многочисленных сравнительных союзов является, на наш взгляд, дополнительным доводом в пользу введения специально-отсоюзных (а не специально-сравнительных) ПСО: при специально-сравнительных ПСО применение разных ПСО в одинаковых словосочетаниях имело бы место далеко не только в конструкции $A_{сравн}/^{Adv}{}_{сравн} \longrightarrow$ чем, а в очень большом числе разных конструкций с любыми сравнительными союзами: туда же $\longrightarrow$ куда и (Маша/Машу), ценил $\longrightarrow$ как (Маша/Машу) и т.п.

[W] В статье [18] указана литература по сравнительным союзам в русском и английском языках.

Теперь нам хотелось бы сказать несколько слов о целесообразности введения особого – сравнительного – ПСО в конструкциях типа быстрее сравн. чем или тот же сравн. что (и). Нельзя ли обойтись без него, заменив его, например, каким-либо комплетивным ПСО? Чисто формально этому ведь ничто не мешает.

Чтобы уметь отвечать на этот вопрос (и вообще – на аналогичные вопросы), нам понадобится, наряду с критерием I, еще один критерий, позволяющий проверять необходимость того или иного конкретного ПСО, точнее – возможность/невозможность заменить данное ПСО r каким-либо другим из уже имеющихся ПСО $r_1, \ldots, r_n$. Такой критерий по существу был предложен в 1972 г. Ю.Кунце в статье [19] (см. также [20, с. 19-20]); здесь мы дадим его в нашей собственной редакции.

Введем сначала некоторые обозначения. Обозначим через $T(r)$ дерево зависимостей, у которого из некоторого отмеченного узла выходит стрелка ПСО r, а через $t(r)$ – полное поддерево дерева $T(r)$, висящее на этой стрелке; иначе говоря, $t(r)$ есть остаточное дерево того узла дерева $T(r)$, в который входит ветка с пометой r. См. рис. 1:

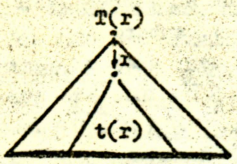

Рис. 1

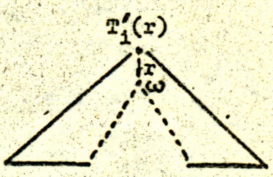

Рис. 2

Пусть имеется множество $\{T_i\}$ деревьев зависимостей всех правильных фраз данного языка. Выберем из $\{T_i\}$ подмножество $\{T_i(r)\}$, т.е. все те деревья, в которых встречается ПСО r. Для простоты мы можем рассматривать, без потери общности, только такие $\{T_i(r)\}$, в которых ПСО r встречается ровно один раз; итак, $T_i(r)$ – это правильные деревья, в каждом из которых ровно по одному разу встречается ПСО r.

Далее, из каждого $T_i(r)$ "вырежем" $t_i(r)$, что эквивалентно замене полного поддерева $t_i(r)$ на фиктивный узел ω, см. рис. 2. $T_i(r)$, из которого вырезано $t_i(r)$, обозначим $T'_i(r)$; наконец, сформируем множество $\{T'_i(r)\}$, или множество д р е в е с н ы х к о н т е к с т о в, и множество $\{t_i(r)\}$.

Теперь перейдем к формулированию критерия П.

(П) Всякое ПСО r, используемое нами для описания деревьев зависимостей данного языка, должно обладать следующим свойством (которое мы предлагаем назвать "свойством Кунце"): каковы бы ни были $T'_i(r)$ и $t_j(r) \in \{t_i(r)\}$, подстановка дерева $t_j(r)$ в $T'_i(r)$ дает одно из деревьев T_i, т.е. правильное дерево зависимостей данного языка, причем эта подстановка выполняется одним из четырех следующих способов:

– либо узел ω в $T'_i(r)$ заменяется на $t_j(r)$, т.е. $t_j(r)$ просто подвешивается своей вершиной на ПСО r;

– либо $t_j(r)$ имеет вид $L \xrightarrow{q} t'_j(r)$, где L – служебная лексема, а q – однозначно имплицируемое ею ПСО; тогда узел ω в $T'_i(r)$ можно заменять на $t'_j(r)$ (т.е. из $t_j(r)$ можно выбрасывать его "служебную" вершину) или на $L' \xrightarrow{q'} t'_j(r)$ (т.е. в $t_j(r)$ можно заменять одну "служебную" вершину другой);

– либо узел ω в $T'_i(r)$ заменяется на $L \xrightarrow{q} t_j(r)$ (т.е. над $t_j(r)$ можно надстраивать "служебную" вершину);

– либо, наконец, узел ω в $T'_i(r)$ заменяется на $\underline{der}\,(t_j(r))$, где $\underline{der}$ – оператор синтаксической деривации, применяемый к вершине поддерева $t_j(r)$ и выполняющий все необходимые в этой связи автоматические изменения внутри $t_j(r)$ (т.е. поддерево $t_j(r)$ можно номинализовать, адъективировать, ... и т.п.).

Говоря содержательно, критерий П ("свойство Кунце") требует взаимозамещаемости – в любых правильных ПСС – любых зависимых членов одного и того же ПСО. Если мы имеем $X \xrightarrow{r} Y$, то Y (остаточное дерево) должно допускать подвешивание к любому $X_1, X_2, \ldots, X_n$ такому, что из $X_1, X_2, \ldots, X_n$ исходит ветка с пометой r, и при этом правильность ПСС не затрагивается; самое Y-е

возможна м и н и м а л ь н а я синтаксическая перестройка, позволяющая "подогнать" Y к новому хозяину: изъятие/замена/добавление служебной вершинной лексемы, маркирующей данное ПСО r при одних, но не при других X-ах, или чисто синтаксическая транспозиция вершины Y-а в другую часть речи со всеми необходимыми сопутствующими транспозициями[lx]. (Очень важные, но и очень сложные вопросы о том, какая лексема является чисто служебной, а какая нет, и каковы границы чисто синтаксической деривации, здесь сознательно оставляются в стороне.)

Для строгого применения критерия П необходимо уточнить целый ряд понятий, и в первую очередь – понятие п р а в и л ь н о с т и ПСС. Определение правильной ПСС было в свое время предложено Л.Н.Иорданской в [21], [22] и [23, с. 14-39]; однако критерий П требует существенно более формального и, если так можно выразиться, более "тонкого" изложения определения Л.Н.Иорданской. До тех пор, пока это не сделано, мы будем пользоваться критерием П на чисто интуитивном уровне[lxx] "на глазок", поскольку требование, которое Ю.Кунце предъявляет к набору ПСО для данного языка, представляется нам (правда, при некоторых его модификациях) содержательно очень ценным. Взаимозамещаемость в ПСС позволяет определять тождественность синтаксической единицы, т.е. ПСО, совершенно безотносительно к ее р е а л и з а ц и и (морфологической, линейной и просодической). В самом деле, если критерий I соотносится с фонологическим критерием минимальных пар (по существу критерий I есть обобщение этого критерия), то критерий П естественно связывается с широко известными в формальной морфологии методами выделения морфологических категорий на основе замещаемости и взаимозамещаемости. Мы имеем в виду модели грамматического рода, падежа, части речи и т.п. в так называемой теоретико-множественной концепции языка (ср. работы О.С.Кулагиной, А.В.Гладкого, И.И.Ревзина, А.А.Зализняка, С.Маркуса и многие другие). Критерий П также представляет собой попытку обобщения вышеназванных мето-

[lx] Подчеркнем, что Ю.Кунце не несет никакой ответственности за вышеприведенную формулировку: мы взяли полностью его главную идею, однако изложили ее совсем иначе, нежели он сделал это сам, и применительно к нашей собственной концепции синтаксической структуры.

[lxx] См., однако, Примечание 3, стр. 53.

дов и распространения их на синтаксические деревья.

Рассмотрим три примера, чтобы несколько освоиться с критерием П.

I) Примем, что в русском языке **все** согласуемые адъективы ("настоящие" прилагательные, местоименные прилагательные, порядковые числительные, причастия) присоединяются к своему хозяину-существительному посредством определительного ПСО; такое решение допускается критерием П, т.е. русское определительное ПСО в указанном понимании обладает свойством Кунце. В самом деле, любой согласуемый адъектив с точки зрения чисто синтаксической правильности может быть подвешен в русской ПСС на **любое** определительное ПСО, т.е. к **любому** существительному. В частности, выражения вроде мой мой мой хвост или этот первый десятый тот столб (которые могли получиться - при произвольном перевешивании определений - из мой красивый пушистый хвост и этот первый огромный железный столб) имеют абсолютно правильные ПСС.

Теперь посмотрим, как обстоит дело с препозитивными определениями существительного в английском языке. Здесь выражения типа *the the page, *the next a page, *Page was torn (отсутствует артикль) и т.п. являются **синтаксически** неправильными, т.е. имеют неправильные ПСС - в отличие, например, от словосочетания transitive intransitive transitive buxom verbs, ПСС которого вполне правильна. Английский артикль - синтаксическая, "строевая" единица, и его нельзя свободно взаимозамещать в ПСС с обычными адъективами, не влияющими на правильность структуры. Поэтому в английском языке критерий П требует для препозитивных определений существительного двух разных ПСО: определительного - для всех "нормальных" адъективов - и детерминативного - для артикля и несовместимых с ним детерминативов (this, my, his, several, ...) , которые, занимая в ПСС позицию артикля, приобретают, тем самым, синтаксические, т.е. строевые, функции. (В то же время, само определительное ПСО в соответствии с критерием I должно быть расщеплено в английском языке еще на два ПСО: (собственно) определительное, или рестриктивное, ПСО и описательно-определительное, или квалификативное, ПСО; ср. смысловое противопоставление the verbs $\xrightarrow{\text{опред}}$ derived by the above method... vs. the verbs, $\xrightarrow{\text{описо-опред}}$ derived by the above method, ... См. [10 , с. 56-57].)

2) Критерий П требует расщепления предложно-союзного ПСО в русском языке на два ПСО: отпредложное и отсоюзное, поскольку то, что подвешивается к предлогу, т.е. именная группа, вовсе не всегда может быть подвешено к подчинительному союзу: *если → клей, *чтобы → спина (в неэллиптичных высказываниях). Правда, обратное всегда возможно: любое предложение может быть номинализовано (в русском - посредством то, что... и т.п.) и после этого подвешено к предлогу. Возникает вопрос, не целесообразно ли, хотя бы в отдельных случаях, пользоваться критерием П в ослабленном варианте, т.е. не требовать взаимозамещаемости всех возможных слуг данного ПСО при всех возможных хозяевах, а удовлетворяться в отдельных случаях односторонней замещаемостью. Мы не знаем ответа на этот вопрос; укажем, однако, что он релевантен, например, и для конструкций "модальный глагол + инфинитив" (в русском и английском языках): поскольку при модальном глаголе невозможны именные группы (*[Он] может кровать, *[He] can a bed и т.п. имеют, по всей видимости, неправильные ПСС; ср., однако, Он может все < это >), получается, что в соответствии с "неослабленным" критерием П эти конструкции нельзя описывать посредством 1-го комплетивного ПСО (как это сделано в [1, с. 222] и в [10, с. 14]). То же самое относится, разумеется, и к немодальным глаголам, допускающим при себе в качестве дополнения только инфинитив: стараться, пытаться и т.д. У этих последних целесообразность подчинять инфинитив через комплетивное ПСО представляется (во всяком случае, автору) достаточно очевидной; это означает, что скорее всего критерий П должен быть сведен к односторонней замещаемости (возможно, при определенных ограничивающих условиях)[x].

[x] Односторонняя замещаемость спасает положение с инфинитивами потому, что всякий инфинитив может быть так или иначе номинализован (и, стало быть, подвешен вместо любой именной группы), причем это, по-видимому, чисто синтаксическая деривация. Обратное же неверно: чисто синтаксическая вербализация возможна далеко не для всякой именной группы. (Отметим эту любопытную - и очень, по-видимому, существенную - несимметричность глаголов и имен, номинализации и вербализации. Здесь, возможно, проявляется некое универсальное свойство естественных языков.)

3) Рассмотрим следующие четыре выражения:

(22) *(То,) что он опоздал, чистит картошку.

(23) *Его прооперировало очень успешно.

(24) *Ее сильно тошнят.

(25) *John rains.

Что следует говорить о подобных выражениях?

Как выражения они, несомненно, неправильны, и притом "грамматически", т.е. в них нарушены чисто языковые правила (кроме того, в них нарушен и смысл, но это для нас сейчас не важно): глагол чистить не может иметь в качестве подлежащего (то,) что + ПРЕДЛ(ожение) (в отличие от толкнуть на, волновать, ...), оперировать не может иметь нулевое подлежащее со значением 'стихии' (в отличие от задавить, перевернуть, засыпать, ...), тошнить - нулевое подлежащее со значением 'люди', а to rain - какое-либо подлежащее, кроме it (сказанное верно лишь при условии, что мы отвлекаемся от метафор, фразеологизмов и т.п.). Если признать, что и ПСС выражений (22)-(25) неправильны, тогда критерий П требует расщепить русское (и английское) предикативное ПСС на несколько разных - в зависимости от характера подлежащего: сентенционно-предикативное ПСО для случаев типа (22), безлично-предикативное ПСО (ср. (23)), неопределенно-лично-предикативное ПСО (ср. (24)), номинативно-предикативное (= обычное) ПСО и, возможно, еще какие-то (именно так и предлагает поступить Ю.Кунце в [19]). Однако подобное решение нас ни в коей мере не устраивает: оно затушевывает одинаковость с и н т а к с и ч е с к о й функции и с и н т а к с и ч е с к о г о поведения подлежащих[x] из-за слишком "сильного" учета ограничений на л е к с и ч е с к у ю (в самом общем смысле термина) сочетаемость. Тем не менее, нельзя не признать, что эта лексическая сочетаемость имеет самое непосредственное отношение к синтаксической правильности, так что ПСС

[x] Под одинаковостью синтаксических функций и синтаксического поведения разных подлежащих здесь имеются в виду, в частности, два следующие фактора:

(i) Заполнение одной и той же обязательной поверхностно-синтаксической валентности (в нашей трактовке в русском языке не может быть бесподлежащных предложений с лично-глагольным сказуемым: см. [25, с. 359]).

(ii) Обусловливание согласовательных форм глагола-сказуемого.

выражений (22)–(25) следует, по нашему мнению, считать неправильными (как и было сказано выше). Выход из затруднительного положения мы видим в разумном ослаблении критерия П еще в одном направлении. А именно, надо, по-видимому, требовать, чтобы получающиеся в результате подстановок деревья были правильны не абсолютно, а лишь с т о ч н о с т ь ю д о лексических ограничений (на сочетаемость) и т.п. Все это, однако, очевидным образом нуждается в дальнейшем исследовании.

Теперь, наконец, наметив возможные усовершенствования критерия П, мы можем обратиться к интересующему нас сравнительному ПСО. Оказывается, что принятие критерия П исключает замену сравнительного ПСО на комплетивное. В самом деле, поддеревья (26) сравн→ что и → 1 компл-отсоюзн→ Машу или (27) сравн→ чем 2 компл-отсоюзн→ →Маше не могут быть подвешены на какую угодно комплетивную стрелку: так, ПСС

(28) *интересоваться 1 компл→ что и 1 компл-отсоюзн→ Маша

неправильна, равно как и

(29) *интересоваться 1 компл→ чем 2 компл-отсоюзн→ Маша.

(26) никак нельзя "приладить", "подогнать" к (28), а (27)– к (29) не нарушая их собственного внутреннего синтаксического строения с у щ е с т в е н н ы м о б р а з о м . ("Несущественными" мы склонны считать те автоматические изменения внутри перевешиваемого поддерева, которые диктуются синтаксическими транспозициями его вершины: ср. гулять обст→ подолгу ⇒ долгие ←опред прогулки.) Правда, союзы что и и чем – это служебные лексемы, которые можно было бы, вообще говоря, опустить; однако этому препятствуют исходящие из них специально-отсоюзные ПСО: эти ПСО отнюдь не имплицируются ими однозначно, а потому в данном случае они опущены быть не могут. Итак, произвольное сравнительное поддерево, т.е. выражение вида (Conj, compar) ——→ X , не может быть подвешено на произвольное комплетивное ПСО без нарушения правильности ПСС.

Верно и обратное: произвольное комплетивное поддерево не может быть подвешено на произвольное сравнительное ПСО без нарушения правильности ПСС; так, комплетивное поддерево

(30) (Чтоб) губы астр и далий Сентябрьские страдали – Б.Л.Пастернак

не может быть вставлено в древесный контекст
(31) Я хочу попасть в ту же комнату, сравн → что и Маша ;
получится синтаксически неправильное выражение:
(32) *Я хочу попасть в ту же комнату, что и губы астр и далий сентябрьские страдали.

Таким образом, критерий П требует введения особого сравнительного ПСО, не заменимого на комплетивное, для описания конструкций типа (33) сильнее сравн → чем и (34) такой < тот, столь,...> же сравн → что и. Однако сравнительное поддерево с полнозначным союзом как[1] в вершине может (и, по-видимому, должно) подвешиваться на обычном обстоятельственном ПСО:
(35) Он вашу сестру, как 1 компл-отсоюзн → обстоятельственное вакханку с амфор, Подымет с земли и использует - Б.Л.Пастернак.
Дело в том, что подобные сравнительные поддеревья взаимозаменимы с остальными обстоятельствами: мчался быстро < берегом/вперед/как стрела/как от погони/...> . В частности, сравнительное поддерево с полнозначным как, аналогично любому обстоятельству (образа действия; тут проявляются и лексические ограничения), способно реализовывать на поверхности глубинно-синтаксические актантные валентности слов:
(36) Он относился к Маше очень хорошо < как друг/как к другу > .
(37) Он поступил мерзко < как Скворцов > .

Введение сравнительного ПСО для конструкций типа (33) и (34) вполне соответствует, на наш взгляд, их интуитивно ощущаемой синтаксической специфичности. Описание русских сравнительных синтагм, основанное на изложенной трактовке, дается в [14], а английских - в [24]; оба эти описания позволяют лучше судить об удобстве и естественности введения сравнительного и ряда специально-отсоюзных ПСО.

Отметим, однако, что и для сравнительного ПСО критерий П также необходимо уточнить: дело в том, что не всякое поддерево, висящее на сравнительном ПСО, может быть перенесено на это же ПСО

---

[1] Союз как в конструкциях так же → как (и) и такой же → → как (и) не является полнозначным, так как здесь как "сильно управляется". Эта ситуация полностью аналогична ситуации с предлогами: так, на является полнозначным в Они любили друг друга на сундуке, но не является полнозначным в Они настаивали на сундуке.

в любую другую ПСС. Так, ПСС выражения

(38) *Я спал крепче, сравн→ чем Машу

является неправильной: поддерево чем 1 компл-отсоюзн→ Машу может быть подвешено только на такое сравнительное ПСО, что его главный член зависит (не обязательно непосредственно) от слова, имеющего в ПСС зависимое на 1-ой комплетивной стрелке. Иначе говоря, требуется известное соответствие между внутренним строением сравнительного поддерева и древесным контекстом, в который это поддерево подставляется. Это совершенно естественно: ясно, что правильность ПСС должна определяться в общем случае со ссылками на взаимную совместимость/несовместимость/неотделимость различных ПСО. Поэтому формулировка критерия II нуждается еще в одном исправлении: $t_j(r)$ должно быть подставимо в любое $T'_i(r)$ такое, что между $T'_i(r)$ и $t_j(r)$ имеется "согласованность", т.е. выполняются все требования на сочетаемость ПСО, выступающих в древесном контексте и в подставляемом в него поддереве. Более того, в общем случае необходимо также требовать определенной "согласованности" и между некоторыми узлами в $t_j(r)$ и в $T'_i(r)$. Мы имеем в виду, в частности, однородность, а именно – поддерева типа или отсоюзн→ зеленую, и отсоюзн→ Машей, но отсоюзн→ давала: подобные поддерева могут подвешиваться только на такое однородное ПСО, которое выходит, соответственно, из прилагательного, существительного и глагола. В самом деле, ПСС белую однор→ или → отсоюзн→ зеленую, Петей однор→ и отсоюзн→ Машей, плакала однор→ → но отсоюзн→ давала правильны, а *прыгал однор→ или отсоюзн→ → зеленую, *рассмотренной однор→ и отсоюзн→ Машей, *пирожок → однор→ но отсоюзн→ давала – нет. Без соответствующей поправки критерий II привел бы к расщеплению однородного ПСО на несколько разных: адъективно-однородное, субстантивно-однородное, глагольно-однородное и т.д. Чтобы избежать этого (а интуитивно мы хотели бы иметь одно-единственное однородное ПСО), придется – по крайней мере, для этого конкретного типа ПСО, т.е. для сочинительных ПСО – ограничить допустимые древесные контексты, требуя соответствия (по части речи) между главным членом однородного ПСО и зависимым членом отсоюзного. Пока неясно, не помешает ли это требование в каком-либо другом месте.

Отметим в заключение, что многочисленные поправки и оговорки, которыми, по нашему мнению, должен быть обставлен критерий Кунце, не подрывают его сути, т.е. идеи использовать замещаемость в дереве ПСС как средство выявления синтаксических единиц (ПСО).

§ 3.

Критерии I и II носят отчетливо выраженный п а р а д и г м а т и ч е с к и й характер: I основан на смысловом противопоставлении (принцип минимальных пар), а II – на взаимозамещаемости с сохранением правильности ПСС. Теперь мы хотели бы предложить еще один критерий необходимости введения разных ПСО, с и н т а г м а т и ч е с к и й по своему характеру. (Заметим, что и в фонологии, и в морфологии наряду с парадигматическими критериями выделения фонем и морфологических категорий широко используются и синтагматические: сочетаемость звуков, допустимость слогораздела между компонентами сложного звука и т.п. в фонологии; сочетаемость/несочетаемость двух элементов в составе словоформы в морфологии.) Следует только сразу же отметить, что критерий III является еще более сырым и предварительным, чем I и II.

Важной характеристикой ПСО является их п о в т о р е н н о с т ь. ПСО r называется повторенным, если из одного узла правильной ПСС данного языка может выходить более одной ветки с пометой r, и неповторенным в противном случае (не $Y \xleftarrow{r} X \xrightarrow{r} Z$). Типичные примеры повторенных ПСО в русском языке – определительное и обстоятельственное: при существительном возможен целый ряд неоднородных прилагательных-определений, как в выражении

(39) эта моя большая теплая меховая куртка,

а при сказуемом – целый ряд (во фразе (40) – четыре) неоднородных обстоятельств:

(40) Он случайно [1] встретил ее в Рио-де-Жанейро [2] 8 июля [3] несколько раз [4]; и т.п.

Типичные неповторенные ПСО – это предикативное, все комплетивные, отпредложное и т.д.

Среди повторенных ПСО выделяются о г р а н и ч е н н о по-

вторенные: из одного узла может выходить более одной ветки с пометой r (обычно – две или три), но лишь при определенных условиях на зависимый член этого ПСО. Если из одного узла может выходить не более двух веток с пометой r, то ПСО r называется **дважды повторенным**.

Теперь сформулируем критерий Ш.

(Ш) В составе инвентаря используемых ПСО не должно быть такого дважды повторенного ПСО r, что в случае $Y_1 \xleftarrow{r} X \xrightarrow{r} Y_2$ его зависимые члены Y_1 и Y_2 всегда принадлежат к разным синтаксическим классам (т.е. такого r, что для него невозможно $Y \xleftarrow{r} X \xrightarrow{r} Y$). Кандидат в ПСО r должен расщепляться на два ПСО: $X \xrightarrow{r_1} Y_1$ и $X \xrightarrow{r2} Y_2$.

Поясним сказанное на примере. В предварительном инвентаре английских ПСО, предложенном в [10] и [24], имеется субъектно-копредикативное ПСО, посредством которого описываются, в частности, конструкции двух типов, а именно типа (41)-(43):

(41) He left Murag very rich;
(42) He returned an old man;
(43) Such sentences can occur —суб-копр→ embedded;

и типа (44)-(46):

(44) His horizons had —суб-копр→ all shifted (E.Hemingway).
(45) John and Len may —суб-копр→ both <each> come here to-morrow.
(46) Operations must —суб-копр→ themselves be taken as numbers.

Это ПСО является повторенным (в рамках описания, выдвинутого в [10] и [24]), поскольку возможны фразы типа

(47) Sentences of this type all <themselves> ←суб-копр— occur —суб-копр→ embedded.

Однако повторенность английского субъектно-копредикативного ПСО ограничена: она возможна, если один зависимый – неместоименный ("обычное" прилагательное, существительное или причастие, как во фразах (41)-(43), а второй – местоименный (как во фразах (44)-(46)). Повторенность же при двух неместоименных зависимых исключается:

(48) *He returned very rich an old man.

(Возможно, конечно, He returned very rich, but an old man, но

здесь мы имеем не повторенность субъектно-копредикативного ПСО, а однородность двух субъектно-копредикативных членов – совсем иное явление.)

Если бы при местоименном зависимом повторенность также была невозможна, критерий Ш заставлял бы нас описывать случаи типа (41)-(43) и случаи типа (44)-(46) двумя разными ПСО. Однако это не так: ср.

(49) Sentences of this type all <суб-копр— may —суб-копр> themselves be taken as embedded,

где совместимы два местоименных субъектно-копредикативных зависимых.

Таким образом, здесь критерий Ш, строго говоря, не требует расщепления субъектно-копредикативного ПСО на два. Встает, однако, тот же вопрос, что и выше (стр. 42 , относительно критерия П): не целесообразно ли видоизменить критерий Ш так, чтобы он воспрещал вводить одно ПСО и в подобных случаях? Для этого достаточно потребовать, чтобы повторенность ПСО допускалась только в таких ситуациях, когда повторенным может быть л ю б о й зависимый член этого ПСО, к какому синтаксическому классу он ни принадлежал бы.

Мы не готовы сейчас дать решительный ответ на поставленный здесь вопрос, однако предварительные соображения заставляют нас склоняться к изменению критерия Ш в указанном направлении. Дело в том, что измененный критерий Ш требовал бы оставить субъектно-копредикативное ПСО только за конструкциями типа (41)-(43), а для конструкций типа (44)-(46) ввести новое ПСО – скажем, распределительное (название – абсолютно условно!). А это представляется оправданным не только потому, что местоименные зависимые типа all, both, each, himself, ... , как в (44)-(46), ведут себя очень специфично с точки зрения порядка слов – совсем не так, как неместоименные копредикативы, но еще и потому, что местоименные единицы, по всей видимости, не обязательно с у б ъ е к т н о- (или п р я м о о б ъ е к т н о-) копредикативны: они, как кажется, могут соотноситься даже и с косвенным дополнением, что для неместоименных слов невозможно:

(50) I gave John and Bill and Harry all presents.

(51) I gave John and Bill each a present.

(Примеры (50) и (51) взяты из [26], с. 406, (318 а) и с. 409, (326 а).)

Отметим, что противопоставление "разумной" (= "настоящей") и "неразумной" (= "псевдо-") повторенности возможно и в морфологии. Так, каузатив теоретически может быть повторен сколько угодно раз: двойные каузативы вполне обычны во многих языках (тур. öl- 'умереть' – öl-dür- 'убить' – öl-dür-t- 'велеть убить', кечуа huañu- 'умереть' – huañu-chi- 'убить' – huañu-chi-chi- 'велеть убить'); в принципе легко помыслить и тройную, четверную и т.п. каузацию: заставить велеть убить, велеть заставить приказать убить и т.п., хотя реальные морфологические формы каузативов, более сложных, чем двойные, не встречаются (или встречаются крайне редко). Такая повторенность (т.е. наличие в одной словоформе более чем одного категориального значения данной категории) не препятствует повсеместному признанию каузатива единой категорией.

Иначе обстоит дело, например, с падежом. Теоретически представить себе неограниченную повторенность падежа, по крайней мере, трудно. Там, где оказывается возможным совмещение в одной словоформе двух (не более!) падежей, ср., например, баскск. eliza-ra-ko bidea 'в-церковь дорога', где eliza 'церковь', -ra – суффикс латива (куда?), а -ko – суффикс генитива, возникает стремление говорить о д в у х р а з н ы х падежных категориях: семантические падежи vs. синтаксические падежи (при этом функции тех и других сильно различаются: первые выражают те или иные смыслы, вторые только маркируют синтаксические связи). Тем самым, "неразумная" повторенность и в морфологии заставляет думать о расщеплении соответствующей категории[12].

Подведем итог. Для ведущихся в настоящее время исследований по поверхностному синтаксису большое значение имеет уточнение понятия поверхностно-синтаксического отношения (ПСО); это необходимо как для совершенствования инвентарей ПСО, так и для решения непрерывно возникающих проблем типа "как трактовать на уровне ПСС данную конструкцию". В этой связи и предлагаются критерии I–III.

[12] Напомним в данной связи исследование соотношений между соподчинимостью и неравнозначностью зависимых разного типа при одном хозяине в [27, с. 6–7].

Все они нуждаются в существенном уточнении, в особенности – II и III, которые еще должны быть, по существу, переформулированы: то, что предложено здесь, не более, чем самый предварительный набросок. Для этого, в свою очередь, требуется достаточно высокая формализация понятия ПРАВИЛЬНАЯ ПСС, с одной стороны, и тщательное исследование конкретных инвентарей ПСО с точки зрения описания различных конструкций – с другой; все это выходит далеко за пределы настоящей статьи и нынешних возможностей автора. Тем не менее, мы полагаем, что все три критерия могут использоваться, хотя бы в качестве вспомогательного средства, уже сейчас[xv]. В дальнейшем, по-видимому, следует стремиться к обобщению указанных критериев для л ю б ы х единиц естественного языка. А именно, было бы желательно иметь общие формулировки и для критерия смыслового противопоставления, и для критерия (взаимо)замещаемости (при условии допущения минимальной "подгонки"), и для критерия повторенности (совместимости) – формулировки, одинаково пригодные для всех уровней представления языковых высказываний.

*

* *

Рукопись настоящей статьи была прочитана Ю.Д.Апресяном, И.И.Богуславским, А.К.Жолковским, Л.Л.Иомдиным, Л.Н.Иорданской, Т.Е.Корельской, Л.П.Крысиным, О.С.Кулагиной, Л.С.Модиной, Н.В.Перцовым, Е.Н.Саввиной и Ю.А.Шихановичем. Автор признателен этим коллегам за полезные замечания и предложения, которые он постарался учесть.

[xv] Определенные сведения об изучении некоторых типов поверхностно-синтаксических отношений в русистике, а также соответствующие ссылки можно найти в обзоре А.Е.Михневича [28]; см. также предшествующие работы [29 – 30].

Примечания

Примечание 1 (к стр. 25). В действительности, все перечисленные здесь морфологические характеристики могут приобретать и семантические функции. Так, в (52)-(54):

(52) Дай мне хлеб vs. Дай мне хлеба,

(53) районная и областная газеты vs. районные и областные газеты,

(54) Я лег vs. Я легла -

различия, соответственно, в падеже существительного, числе прилагательного и роде глагола очевидным образом связаны со смыслом, а потому должны так или иначе отображаться в ПСС указанных выражений. Подобные факты создают дополнительные трудности, от которых здесь мы можем вполне безболезненно отвлечься. Суть положения (iv) от этих фактов нисколько не страдает; за пределами контекстов точно определенного типа интересующие нас морфологические характеристики остаются ч и с т о синтаксическими маркерами и в ПСС не отображаются.

Примечание 2 (к стр. 33). Приведенная нами формулировка критерия I нуждается в целом ряде уточнений, без которых возникают известные затруднения. Укажем здесь два сложных и при этом весьма типичных случая.

(1) Во французском языке во фразах типа

(55) Il me lave и

(56) Il me lave les mains

неясно, какое или какие ПСО должно/-ы связывать lave и me. Если считать, что в (55) и в (56) мы имеем о д н о и т о ж е me (скажем, JE_{obj}, т.е. me - объектная форма местоимения JE), то критерий I требует усматривать в (55) и в (56) одно и то же ПСО в me ←—— lave. Такое решение как будто ничему не противоречит: различие функций me в (55) и в (56), т.е. 'меня' vs. 'мне' может фиксироваться на более глубоком уровне, а именно в ГСП (это делалось бы на основе наличия/отсутствия у lave в ПСС субстантивного дополнения). В то же время можно усматривать в (55) и в (56) разные me: JE_{dir} и JE_{indir}, различая прямо-объектную и косвенно-объектную форму, по аналогии с le vs.

lui, la vs. lui, les vs. leur в 3-м лице; тогда критерий I требует в (55) и в (56) - в словосочетании me lave - двух разных ПСО. Мы не знаем окончательного ответа на поднятый здесь вопрос.

(11) Рассмотрим английские фразы

(57) They gave $\xrightarrow{r_1}$ Mary John as a husband и

(58) They gave John Mary $\xrightarrow{r_2}$ as a wife .

Очевидно, что gave $\longrightarrow$ Mary в обоих случаях - сочетания одних и тех же лексем и что $r_1 \neq r_2$, т.е. что здесь необходимы разные ПСО. Однако различаются ли эти сочетания синтаксическими средствами? Следует ли считать расположение непосредственно после сказуемого или после другого дополнения синтаксическим средством? Можно ли рассматривать They gave Mary John и They gave John Mary как E_1 и E_2 , упоминаемые в формулировке критерия I? (Здесь меняются сразу д в а сочетания: gave $\longrightarrow$ $\longrightarrow$ Mary и gave $\longrightarrow$ John , и вся соль именно в их совместном изменении.) Ясно, что для учета и таких случаев критерий I должен быть соответствующим образом обобщен.

Примечание 3 (к стр. 40). Здесь необходимо подчеркнуть, что "правильная ПСС" отнюдь не значит "ПСС правильного выражения". Дело в том, что неправильное (л и н г в и с т и ч е с к и, т.е. в чисто языковом отношении, неправильное) выражение может иметь правильную ПСС: неправильность конкретного выражения может быть морфологической (неверно образована или употреблена та или иная форма слова: *много местов, *управлять кораблЬ, ...), линейной (неверно расставлены слова: *на дней шесть, ...), сочетаемостной (нарушены правила лексической сочетаемости: *играет значение, *несбыточные потуги, ...) и т.п., не говоря уже о семантических неправильностях (бессмыслица, противоречие, тавтология, ...), но все это нисколько не мешает с и н т а к с и ч е с к о й правильности выражения, т.е. наличию у него правильной ПСС. Более того, возможны правильные ПСС, для которых вообще не существует правильных языковых выражений: например, ПСС, предписывающая для лексемы МЕЧТА во мн. числе форму род. падежа (*мечт) или форму 1 ед. для лексемы ПОБЕДИТЬ (*победу). Таким образом, правильность

ПСС – это, так сказать, ее "имманентное" свойство, которое должно быть задано набором формальных требований. (В к о н е ч н о м итоге правильность ПСС основывается, разумеется, на правильности языковых выражений; однако непосредственной и тем более взаимнооднозначной зависимости тут нет.)

Л и т е р а т у р а

1. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей "Смысл ⇔ Текст". М., 1974.
2. Мельчук И.А. Автоматический анализ текстов (на материале русского языка). – В кн.: "Славянское языкознание", М., 1963, 477–509.
3. Мельчук И.А. Автоматический синтаксический анализ. Т. I. Общие принципы. Внутрисегментный синтаксический анализ. Новосибирск, 1964. 360 с.
4. Гладкий А.В., Мельчук И.А. Грамматики деревьев. П. К построению Δ-грамматики для русского языка. – В сб.: "Информ. вопросы семиотики, лингв. и авт. перевода", вып. 4, М., 1974, 4–29.
5. Hays D.G. Connectability calculations, syntactic functions, and Russian syntax. – Mechanical translation, 1964, 8, №1, 32–51. Перепечатано в: D.G.Hays, Readings in automatic language processing, N.Y., 1966, 107–125 .
6. Klimonow G., Nündel S., Starke I. Syntaktische Analyse. – In: Automatische Sprachübersetzung. Russisch-Deutsch, B., 1969, 66–123.
7. Кулагина О.С. Алгоритм синтаксического анализа в системе французско-русского машинного перевода. М., 1970. 47 с. (Препринт № 13 Ин-та Прикл. математики АН СССР).
8. Колковский А.К. Синтаксис сомали. М., 1971. 265 с.
9. Василевский А.Л., Васильева Л.Я., Поволоцкая С.К., Самойлович И.В., Тарасова Г.А., Эйдина Ю.М. Алгоритм автоматического перевода описаний изобретений с английского языка на русский. М., 1972. 156 с.

10. Мельчук И.А., Перцов Н.В. Поверхностно-синтаксические отношения в английском языке. М., 1973. 80 с. (Ин-т русс. языка АН СССР. Предв. публ. группы экспер. и прикл. лингвистики. Вып. 43).

11. Kunze J. Zur syntaktischen Synthese. – Kybernetika, 1965, 1, №1, 85-102.

12. Kuipers A.H. On symbols, distinctions and markedness. – Lingua, 1975 (в печати).

13. Саввина Е.Н. Вопрос синтаксиса сравнительных конструкций в русском языке. М., 1972. 164 с. (Дипломная работа, отд. структ. и прикл. лингвистики филологич. ф-та МГУ).

14. Саввина Е.Н. Фрагмент модели поверхностного синтаксиса русского языка. Ш. Сравнительные конструкции (сравнительные, отсоюзные и специально-отсоюзные синтагмы). М., 1975 (Ин-т русс. языка АН СССР. Предв. публ. группы экспер. и прикл. лингвистики) (в печати).

15. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1934. 452 с.

16. Грамматика русского языка. Том I. М., 1953. 720 с.

17. Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. 767 с.

18. Черемисина М.И., Размахнина Н.К., Стекленева Т.Г. Структурные типы сравнительных конструкций с союзом like . – В сб.: В помощь преподавателям иностранных языков, вып. 5, Новосибирск, 1974, 3-30.

19. Kunze J. Die Komponenten der Darstellung syntaktischer Strukturen in einer Abhängigkeitsgrammatik. – The Prague bulletin of mathem. linguistics, 18, 1972, 15-27.

20. Kunze J. Die Auslassbarkeit von Satzteilen bei koordinativen Verbindungen im Deutschen. Berlin, 1972. 112 S. (Schriften zur Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. №14).

21. Иорданская Л.Н. О некоторых свойствах правильной синтаксической структуры (на материале русского языка). – "Вопросы языкознания", 1963, № 4, 102-112.

22. Иорданская Л.Н. Свойства правильной синтаксической структуры и алгоритм ее обнаружения (на материале русского языка). – "Проблемы кибернетики", вып. 11, 1964, 215-244.

23. Иорданская Л.Н. Автоматический синтаксический анализ. II. Межсегментный синтаксический анализ. Новосибирск, 1967. 231 с.

24. Мельчук И.А., Перцов Н.В. Модель английского поверхностного синтаксиса. Перечень синтагм. Часть I. М., 1975. (Ин-т русс. языка АН СССР. Предв. публ. группы экспер. и прикл. лингвистики. Вып. 64).

25. Мельчук И.А. О синтаксическом нуле. – В кн.: Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги, Л., 1974, 343-361.

26. Stockwell R., Schachter P., Partee B. The major syntactic structures of English. N.Y. etc., 1973. 847 pp.

27. Иорданская Л.Н. Два оператора обработки словосочетаний с "сильным управлением". М., 1961. 33 с.

28. Михневич А.Е. Некоторые вопросы изучения синтаксических (подчинительных) связей слов в работах советских и чехословацких лингвистов. – "Вопросы языкознания", 1968, № 5, 106-112.

29. Кротевич Е.В. Синтаксические отношения между словами и способы их выражения в русском и украинском языке. Львов, 1949, 31 с.

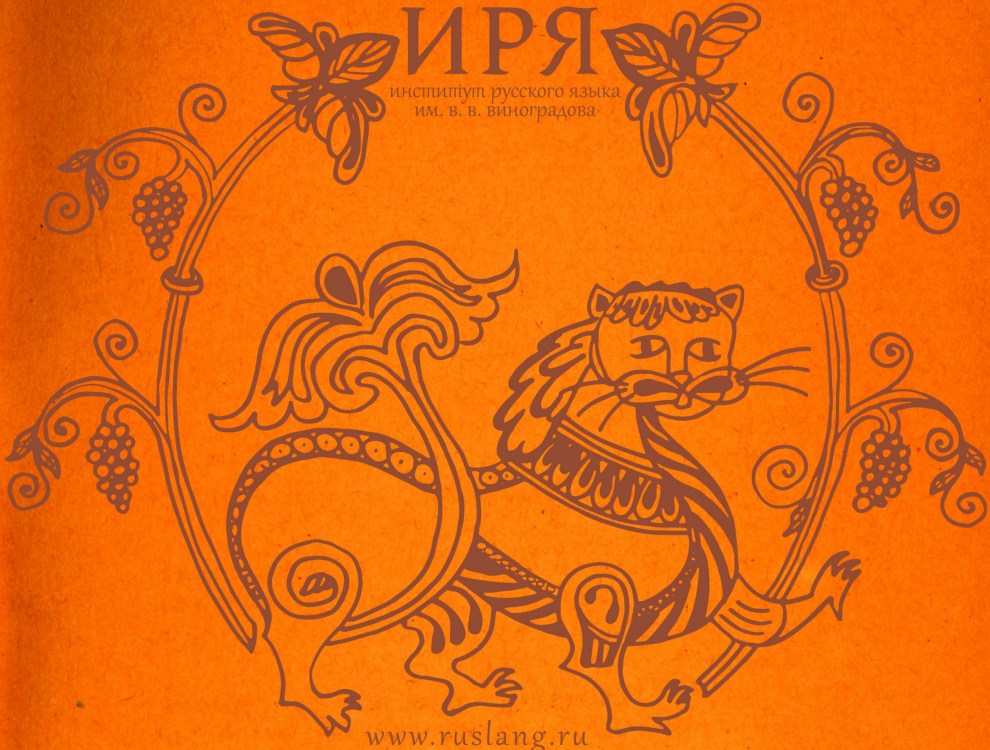
30. Кротевич Е.В. О связях слов. Львов, 1959.

АТ3401 от 10.09.75 г. 3,5 п.л. 190 экз. Зак. 909

Тип. МГПИИЯ

БИБЛИОТЕКА ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

Бесплатно